

18+

ЭПОХА СЛОВА

сборник номинантов
одноименного конкурса

2024

Виктор Кроль
Светлана Рудакова
Елена Филатова
Христиана Росс
Эдуард Артюхов
Валерий Бокарёв
Михаил Смирнов
Владимир Бояринов
Михаил Эфросман
Марина Борина-Малхасян
Екатерина Славич
Алексей Евдонов
Татьяна Трубникова
Светлана Удинцова
Александр Лукичев
Сергей Ламин
Елена Талленика
Ольга Исида
Ирина Аллен
Юрий Слияков
Борис Красильников

**Александр Соловьев
Елена Полещикова
Валерий Ненашев
Борис Алексеев
Василий Мурзин
Игорь Головкин
Владимир Хованский
Валентина Костишар
Галина Весновой
Юлия Цхведиани
Татьяна Наджарова
Сергей Ковалёв
Владимир Сумин
Григорий Корюкин
Григорий Саамов**

**Эпоха слова. Сборник
НОМИНАНТОВ ОДНОИМЕННОГО
конкурса, 2024**

Аннотация

Сборник состоит из поэтических и прозаических произведений, рассказывающих читателю о важности слова, как инструмента самовыражения.

Содержание

Владимир Бояринов	13
Странник	13
В мире моих снегов	16
Передай	18
Мой август	19
Дама пик	21
В никуда	23
«За кленовую ветку луна...»	24
Моя держава	25
Последнее желание	26
Белая кость	27
Бездомный пан	28
Аленький цветок	29
Во время чумы	30
«Дай имя, дай! ...»	32
На взмахе	34
Падают звёзды	35
Музыка звёздной мистерии	36
Борис Алексеев	37
Солнечный латге	37
Ирина Аллен	40
Моя молодость в Лондоне	40
Эдуард Артюхов	46

Я знаю силу слов...	46
О роли поэта в современности	49
В них правят вновь	53
Родился правнук Ганнибала	54
Эх! Столица, столица...	56
Пророчество	58
Книги – мои друзья и учителя	60
Мы последнее поколение	63
Мы разучились книги в руки брать	66
Мы разучились правильно учить	70
Мы часто смотрим в небеса	73
Наша жизнь простое путешествие	74
На саратовском «блошином» рынке	76
Мы воспитаны на сказках Роу!	78
Я пишу то, что писать желаю	80
Читайте книги, берегите, господа!	81
К детям и внукам, к следующим поколениям	83
Добро любите и его дарите	85
Благодарите Бога за утро новое	86
Время лучшее для поэта	88
«Невскому Альманаху» – юбиляру!	89
Широка страна родная!	91
Утро первого октября 2024 года	92
Услышать музыку души	94
Улетела любовь	95
У пивного ларька столичного	96

Ночная встреча	99
Ностальгия	103
Не убейте в себе человека	104
Не забывайте истину святую	105
Труден хлеб русского поэта	107
Стихи писать умеет каждый	108
Стихами говорить отменное занятие	109
Ножкину Михаилу Ивановичу	112
Здравствуй, Муза!	113
О Любви	115
Ночь сегодня хороша	116
Разговор с Сердцем	117
У ночки тёмной твои глаза	122
Товары в дорогу	123
Твои лучистые глаза	124
Старый дом и она у окна	126
Свет полон был бы для всех счастья	129
Самый сильный враг	131
Сам знания в жизни добывай	132
Родительская суббота	134
Пусть Бог хранит вас, России верные бойцы!	137
Прости, Господи, не будем смиренны!	140
Поменялось понятие счастья	142
Если Мама рядом	144
Одиночество	146
Разрушить легче, чем построить	147

2202 22.22.22 202	148
22022022	150
Алые Паруса	152
Ангел над Красногорском	154
Я сегодня встану по утру	156
Я – русский! И этим я горд!	158
Я не люблю читать свои стихи	160
Я иду проселочной дорогой	161
Счастливый вижу дом	164
Я в церковь к Спасу пришел	166
Сонет 66 Вильяма Шекспира	169
Над Гатчиной сегодня ветерок промчался	170
О мире 2020 кратко	173
Осенний вечер...	174
Самое лучшее в жизни	178
Поминальная краткая	179
Нет в мире ничего страшнее	180
Утро питерское осеннее	181
Я ромашек букет собираю	182
Памяти поэтов	183
Когда уходят к Богу мудрецы	184
Памяти Эдуарда Кузнецова	185
Голос	186
Памяти великого человека	188
День памяти А. С. Пушкина	191
Санкт-Петербург 10 февраля	192

Почему утро хмурое	194
Ода русской водке	196
Солнце яркое взойдет!	199
Валерий Бокарёв	200
«В бесконечности Бог...»	200
Возле Твери	201
Я ухожу	202
Ночные страхи	203
Стих	204
Осень	205
Я и лес	206
Конец ознакомительного фрагмента.	207

Эпоха слова

Сборник номинантов

одноименного

конкурса, 2024

Авторы: Бояринов Владимир, Алексеев Борис, Аллен Ирина, Артюхов Эдуард, Бокарёв Валерий, Борина-Малхасян Марина, Весновой Галина, Головки Игорь, Евдонов Алексей, Исида Ольга, Ковалёв Сергей, Корюкин Григорий, Костишар Валентина, Красильников Борис, Кроль Виктор, Ламин Сергей, Лукичев Александр, Мурзин Василий, Наджарова Татьяна, Ненашев Валерий, Полещикова Елена, Росс Христиана, Рудакова Светлана, Саамов Григорий, Славич Екатерина, Слиняков Юрий, Смирнов Михаил, Соловьёв Александр, Сумин Владимир, Талленика Елена, Трубникова Татьяна, Удинцова Светлана, Филатова Елена, Хованский Владимир, Цхведиани Юлия, Эфросман Михаил

ИД «Литературная Республика»

© Владимир Бояринов, 2026

© Борис Алексеев, 2026

© Ирина Аллен, 2026

- © Эдуард Артюхов, 2026
- © Валерий Бокарёв, 2026
- © Марина Борина-Малхасян, 2026
- © Галина Весновой, 2026
- © Игорь Головкин, 2026
- © Алексей Евдонов, 2026
- © Ольга Исида, 2026
- © Сергей Ковалёв, 2026
- © Григорий Корюкин, 2026
- © Валентина Костишар, 2026
- © Борис Красильников, 2026
- © Виктор Кроль, 2026
- © Сергей Ламин, 2026
- © Александр Лукичев, 2026
- © Василий Мурзин, 2026
- © Татьяна Наджарова, 2026
- © Валерий Ненашев, 2026
- © Елена Полещикова, 2026
- © Христиана Росс, 2026
- © Светлана Рудакова, 2026
- © Григорий Саамов, 2026
- © Екатерина Славич, 2026
- © Юрий Слияков, 2026
- © Михаил Смирнов, 2026
- © Александр Соловьёв, 2026
- © Владимир Сумин, 2026

- © Елена Талленика, 2026
- © Татьяна Трубникова, 2026
- © Светлана Удинцова, 2026
- © Елена Филатова, 2026
- © Владимир Хованский, 2026
- © Юлия Цхведиани, 2026
- © Михаил Эфросман, 2026
- © «Литературная Республика», 2026

ISBN 978-5-605-27107-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Владимир Бояринов

Москва

Странник

В недалеком, казалось, былом
Встретил странника я за селом.
С топором и пилою двуручной,
Со своею махрой неразлучной
Он едва ли не месяц подряд
Набивался ко мне на подряд.
Сговорились к весне наконец-то,
Показистее выбрали место,
И среди сосняка и рябин
Он не дом, а хоромы срубил.
Посидел, покурил на порожке,
Пошептал что-то на ухо кошке,
Кинул гузку куриную псу,
Поклонился и скрылся в лесу.
С той поры я не знаю покоя.
В этом доме творится такое!
Скрипнет в полночь простуженно дверь:
– Здесь дорога проходит на Тверь?
Кто остался в живых? Отзовитесь!

Мы спешим.

– А куда? – говорю.

Отвечает израненный витязь:

– На вечернюю держим зарю,
Порубежье обходим дозором,
Не грозит ли тевтонец разором.

Снова за полночь хлопает дверь:

– Здесь дорога проходит на Тверь?
Здесь мусью промышляет разором?

Третий месяц пожары тушу.

Это волчий язык мародёра

Примерзает к Большому ковшу.

– Что с Москвою? – спрошу у гусара

И закашляюсь в дыме густом.

– Мы на зарево держим пожара.

Остальное узнаешь потом.

Чуть не с петель срывается дверь:

– Здесь дорога проходит на Тверь?

На танкиста бывалого глядя,

Я знакомый увижу кураж.

– Что ты смотришь так пристально, дядя?

– Ничего, поблазнилось, племяш.

Но не вы ли к местам порубежным

Накануне и позавчера

Поспешали, по комнатам смежным

Просвистав, как сквозные ветра:

«Ты завейся, труба золотая», —

И метель завивалась в кольцо?

– Это притча иль сказка пустая?

– Нет, до боли знакомо лицо:
И глаза голубые, и шрамик,
Еле видный над верхней губой...
Дверь скрипит. Появляется странник:
– Что, доволен, хозяин, избой?
А глаза-то, глаза! С небесами,
Не иначе, в глубоком родстве.
Только шрам не видать под усами,
Как дорогу в траве-мураве.

В мире моих снегов

В мире, где вечера
Тонут в немой глуши,
Только ещё вчера
Не было ни души.

Ночью светлым-светло
От первобытных звёзд.
Время вразвалку шло
На заревой погост.

В мире моих снегов
Воздух студёный чист,
Путаных нет следов,
Дерзкий не слышен свист.

Только откуда трель
Вышла на берега?
И голосит капель:
«Марья, зажги снега!»

Вот, навалясь на тын,
Время пошло на слом:
«Хватит, медвежий сын,
Спать беспробудным сном!»

Я открываю дверь
Резкому стуку вслед:
«Что там ещё за зверь?
Что там ещё за свет?»

С птицами на плечах,
С радостью на лице
Вижу тебя в лучах
На золотом крыльце.

Я выхожу во двор,
Сонный оставив склеп...
...Это с тех самых пор
Я от любви ослеп.

Передай

Знать не знаю, в котором году,
Даже думать не смею,
Но уйду я, однако, уйду
По бурунному свею.

По чужим в одночасье местам
Заплутаю, однако.
– Где ты там? Как ты, родненький, там?
– Я замёрз как собака.

Оказаться бы здесь в сапогах,
А не в тапочках белых,
Объясняться отсюда в стихах
Гениальных и смелых...

Не мечись, говорю, не рыдай,
Как февральская вьюга.
А друзьям от меня передай,
Пусть пригубят за друга.

Передай, пусть не чтут пустяков,
Здесь пустоты невелики.
Передай, пусть не пишут стихов,
Не слагают поэмы...

Мой август

Пудовыми громами
Ломясь ко мне домой,
Со щедрыми дарами
Явился август мой.

Громоподобный возглас
Затишье расколос:
– Кто августовский возраст
Без брода перешёл?!

Полным полна корзина,
Полным полна душа.
И хвалится калина,
Что с мёдом хороша.

И стаи выбирают
К отлёту вожака.
И ведьмы обмирают,
Опившись молока.

Завяли мои розы,
Которые берёт,
Повыпадали росы,
Холодные как лёд.

Не обождав ни часа,
Ни праздничного дня,
Мой август, за три Спаса
Покинул ты меня.

Пьяны ржаные реки
И мёдом, и сытой...
Прости прощай навеки,
Мой август золотой.

Дама пик

Едва забудусь я на миг
В отеле или за сараем,
Ко мне приходит Дама пик
И говорит: «Ну что, сыграем?»

Я окружён, я взят в кольцо!
Степными балками, низами
Мне не уйти! Её лицо
Всю ночь стоит перед глазами!

Куда бы я ни убегал,
Мне не уйти от смертной драмы!
Простите, я не убивал,
Не убивал несчастной Дамы!

Я не игрок! Я не был пьян!
Я злые помыслы оставил!
Вчера купил себе баян
И в песне бабушку прославил!

Не я разваливал Союз,
Не я оплакиваю горько.
Не я – бубновой масти туз!
Не я – козырная шестёрка!

Не надо всем сходиться с ума,
Когда воочию увидишь:
Жизнь, ясно дело, не тюрьма,
Но из неё живым не выйдешь.

В никуда

Мой пёс застыл и смотрит в никуда.
За горизонт свергается звезда.
На русском небе что-то происходит,
Что не происходило никогда.

Пёс смотрит в никуда до одуренья,
Являя сверхъестественное зренье
И, запредельным слухом обостряясь,
Улавливает гибельную связь.

Шерсть на его загривке встала дыбом,
Пасть полыхнула пламенем и дымом.
Поворотясь ко мне, он говорит:
«Галактика соседняя горит...»

«За кленовую ветку луна...»

За кленовую ветку луна
Зацепила нечаянно боком,
И смеётся, и смотрит она
На меня немигающим оком.

«Ты не спи, – говорит, – потерпи.
Хочешь, сделаем снежные струги
И с тобою махнём по степи
Поднимать за погостами вьюги?»

«Ничего, – говорю, – не хочу.
Ты сама это знаешь прекрасно».
И лицо от неё ворочу,
И забыться стараюсь напрасно.

Надышала на окна луна —
Это что за нелепая шутка?
Но горят на стекле письма:
Как прочтёшь – и отрадно, и жутко.

Моя держава

Гудит, стенает, завывает,
Во мгле свирепствует метель,
Перины снежные взбивает
И стелет царскую постель.
И кровью брызжет на подушки,
Срывая ягоды с рябин.

А мне теплым-тепло в избушке,
А мне спокойно – я один.
Уединение – держава
Небесных замыслов в ночи,
Пока перо моё не ржаво,
Пока огонь гудит в печи.

Последнее желание

Не избалованный Родиной,
Не зацелованный сын,
Сыт я кутьёй и смородиной,
Русскими сказками сыт.

Сыт я молитвами отчими,
Верой в кержацкий завет,
Щедро тулупами волчьими
Ради Христа обогрет.

Там, где тайга непролазная
Хвойными иглами жжёт
Лихо живет Одноглазое —
Душу мою стережёт.

Там, за крутыми откосами,
За шеломянем еси
Время грядёт куликовское,
Звоны плывут по Руси.

Ни причащенья, ни пострига
Стражду по душу свою —
Стражду последнего подвига
В общем строю.

Белая кость

Соседский пёс, полупородка, —
Полуовчарочий оскал,
Полутерьерская бородка, —
Вниманья общего искал.

Я потрепал его по холке,
Слегка за ухом почесал.
«Ты – зверь! Тебя боятся волки!» —
Многозначительно сказал.

На знак приветия и участия
Он сел, он выронил язык,
Он замахал хвостом от счастья:
«Ты проникательный мужик!»

Он принял стойку, встрепенулся,
Залаял вдруг назло врагам,
Исчез мгновенно, вновь вернулся, —
И кинул кость к моим ногам.

Бездомный пан

Мир скоростным порывом пьян,
Но мифы в нём не постарели.
Нам старый врубелевский пан
Ещё играет на свирели!

Порой ступает на крыльцо,
Неодолимый и бездомный,
Енотовидное лицо
Полным-полно тоски бездонной!

Мы с ним уходим за сарай,
Где ясный месяц догорает.
Я говорю ему: «Сыграй...» —
И Пан без устали играет.

Он из страны совсем иной.
Но – чуден звук! И душат слёзы!
За исполинскую спиной
Стенают русские берёзы!

Аленький цветок

Я срубил крестовый дом,
Говорят: «Грешно».
Дописал печальный том,
Говорят: «Смешно».

Ловок на руку и спор
Завидуший бес.
Запылал в саду костёр
До небес.

О любви заветный том
Запылал в огне.
Запылал крестовый дом
Со цветком в окне.

Если завтра я умру —
Погорюй чуток.
Я на небо заберу
Аленький цветок.

Буду нежить, чтобы рос,
Буду поливать.
Всех, кто дорог мне до слёз,
Буду вспоминать.

Во время чумы

«Нет, не один я был на пире!..»

А. Блок

Промерцал на званом пире
Бесенятами в очах
Странный человек в мундире:

«Честь имею! Я – Колчак!
Мы встречались на Урале?
А в Иркутске – не могли?..
Ложь! Меня не расстреляли —
Под осину подвели.
Не косись. Я не помешан.
К превеликому стыду
Я повешен! Я повешен
В приснопамятном году!
Честь воздайте, как пристало
Благородному лицу:
Пощадите адмирала —
Расстреляйте на плацу...»

Я призывал на помощь Данте.
Я призывал святую рать.
Рявкнул на официанта:
«Сколько можно?.. Расстрелять!»

«Дай имя, дай! ...»

Дай имя, дай! —
Тому, что было,
Что на миру произошло,
Что так постыдно изменило,
Что истомило, извело.

Не называй его любовью, —
Ты станешь сам себе не рад.
Не закрывай глаза ладонью,
Когда оглянешься назад.
Дай имя, дай! —
Тому, что стало
Твоей навязчивой мечтой,
Чтобы ночами перестало
Оно стучаться на постой.

Не называй его изменой.
Во сне, в бреду не называй!
Забудь в беседе откровенной.
Но имя дать не забывай!

И ты увидишь: зло и лживо
Глаза из прошлого глядят.
Ты всё увидишь очень живо,
Когда оглянешься назад.

Дай имя, дай! —
Тому, что вместе
С тобою шло в былые дни,
И ритуально – честь по чести
Его навек похорони!

На взмахе

Не дрожите мелкой дрожью,
Не тряситесь скотским страхом, —
Все уйдём по бездорожью,
Все мы, все мы станем прахом!

Не блажите, не палите
Изо всех систем по аду.
И себе не ворожите
По четыре жизни кряду.

Прикипите, полюбите
До безумия! И верьте!
Лишь души не погубите,
Беззащитной после смерти.

Не травите, не терзайте
Ни сердца свои, ни души.
Открывайте, отверзайте
И глаза свои, и уши:

Кто там, кто там в небе чистом,
Избежав креста и плахи,
Стал теперь прощальным свистом
Журавлиных крыл на взмахе?!

Падают звёзды

Падают звёзды. И не обжигают
Ни седины, ни дрожащих ресниц;
Вести о милости не ожидают,
Перед погибелью падают ниц.

Звёздочка ясная вспыхнула ало
И расточилась вселенская мгла:
В горних кострах на Ивана Купала
Только единственная не пропала,
Только единственная обожгла.

Музыка звёздной мистерии

Музыка звёздной мистерии
Неуловима на слух.
Плоть её – в тёмной материи,
В тёмной материи дух.
Мается сила бездомная,
Бьётся как рыба об лёд,
В чёрные дыры бездонные
Нос любопытный суёт.
От содрогания в воздухе
Треснул небесный покров,
Слуха касаются отзвуки
Вневременных катастроф.
Это из бездны послание
Преодолело барьер?
Это предзнаменование,
Благовест музыки сфер?
Если попытка не разова,
Если душа запоёт,
Если для нашего разума
Это космический взлёт —
Завтра же двинемся с песнями
Млечные строить мосты.
Да не покроются плесенью
Лики земной красоты!

Борис Алексеев

Москва

Солнечный латте

Утро. Распахнутая настежь дверь кафетерия.

– Зайдём?

– Пожалуй.

Зашли.

– Мне возьми латте.

– Два латте.

Сели за дальний столик.

– Уютно.

– Хм, как везде.

– Скажи, чтоб убавили звук. Нет сил слышать всё это.

Оборачиваюсь.

– Можно сделать телевизор потише?

Юноша за стойкой:

– Что?

– Я говорю, потише эту бойню абсолютного слуха сделай-

те, плиз!

– Не вопрос. Вам по двести или триста?

– По двести. С корицей.

– Ух т-ты!..

Марина зажмурилась. Огромное окно кафетерия превратилось в сверкающую поверхность солнца. Экран телевизора, яркий и динамичный мгновение назад, поблек, будто «помутился рассудком». Я тоже зажмурился и стал наблюдать, как по своду, сотканному из фиолетовых и синих заплата, катятся яркие цветные шары. «Да здравствует Полунин!» – улыбнулся я, припомнив его потрясающее «Снежное шоу». Вдруг карминовой змейкой между жёлтыми и йодисто-рыжими сферами мелькнула тень.

– Ваш латте, плиз! – слово «плиз» бариста произнёс нарочито громко, возвращая мне мою же бестактность. – Что-то ещё?

– Нет, спасибо.

Парень вернулся за стойку. Я посмотрел на Марину. Она сидела, вытянув шею, и шевелила губами, будто пила латте. Однако чашечка перед ней стояла нетронутая. Я догадался: Марина пила... солнечный свет! Пила мерно, глотками, так пьют крутой чайный кипяток, стараясь не обжечь губы и одновременно смакуя жар дымящейся янтарной плави.

Через минуту небо затянули тучи, и солнечная масса рассеялась. Мы допили латте. Расплачиваясь, я в шутку спросил парня:

– Надеюсь, солнце по прейскуранту бесплатно?

– У нас всё включено, – ответил он и улыбнулся.

Его улыбка показалась мне такой простой и светлой, будто

пространство рядом со мной вновь превратилось в солнечный террариум. «Утро полно загадок!» – подумал я, щурясь и разгребая свободной рукой шары. Мы вышли.

– Где прячется наш бариста? – спросила Марина, вглядываясь в небо.

Она засмеялась и стала разгонять тучи, помахивая руками из стороны в сторону.

– Ну! Ну же!..

Приметив светящийся краешек, откуда вот-вот должно было брызнуть солнце, я подхватил её ладошку и направил на голубой просвет в плотной веренице туч.

– Ваш солнечный латте, сударыня.

Ждать пришлось недолго.

– Ух т-ты!..

Ирина Аллен Лондон

Моя молодость в Лондоне Заметки синестета

Вместо предисловия

Я синестет. Это не диагноз. Нас таких немало – людей, у которых во младенчестве не произошло полного разделения чувств. Одни «слышат» цвет, другие «видят» музыку, я лично «вижу» буквы, цифры и звуки речи. У синестета в жизни – свои печали, непонятные другим, но и свои радости. Судите сами.

* * *

– Какая затянувшаяся молодость! – воскликнула соотечественница, встреченная мною в обществе дружбы «Великобритания – Россия». Она имела в виду меня. – Решиться на переезд в чужую страну в таком возрасте! Да и приехали-то вы поздно: Лондон сейчас не тот. Вот в 60-х, когда нас

обменяли на*** (она назвала неизвестное мне имя), – это был Лондон!

Имя соотечественницы было неприятно-чернильного цвета. Я с ней не согласилась.

Во-первых, моя молодость не затянулась – она просто попридержала для меня свою свободу и возможность быть легкой-мысленной; она меня ждала, пока я вершила очень взрослые дела: растила детей, боролась со школьными учителями, кормила обедами мужа – и все это без отрыва от учебы, а потом – работы. И Лондон меня тоже ждал. И дождался. Филиппика чернильной дамы просвистела мимо моих ушей и в цель не попала.

Про Лондон в моем дошкольном детстве мне рассказывала бабушка – тихо-тихо, почти шепотом: потеряв отца и мужа в один и тот же проклятый год она – одновременно – потеряла и голос. Девочкой, перед Первой Мировой ее возил в Лондон отец. Я слушала зачарованно: «В Лондоне всегда туманы – серые, даже коричневые, руку вытянешь – своей ладони не увидишь». Я возражала, «тыча в книжку пальчик»: «Бабушка, в Лондоне не может быть серых туманов: он же „О-Н“ и еще раз „О-Н“, а посередке – „Д“. Все это желтенькое, а желтенькое – это солнышко». (Я рано выучила алфавит).

Шли годы. Дети росли. Муж не докучал мне своим присутствием. Я начала позволять себе некие, хоть и обдуманные, но не очень практичные поступки и тратить собствен-

ные деньги на себя – чего не было в моей календарной молодости!

Первой большой тратой оказалась поездка в Лондон – на автобусе через Европу и Ла Манш. К моему удивлению, город оказался совсем не «желтеньким». Правда, и туманов не было (топить углем перестали), но не было и теплого цвета – только серый в черно-красный горошек в виде кэбов, автобусов, телефонных будок и почтовых тумб. Никакого дежавю.

Лондон – город-мужчина. Гордый англосакс с романскими корнями. И я наивно рассчитывала, что моё «Видение» – залог будущих панибратских отношений с ним?! Синестет во мне приуныл.

Подоспела рыночная экономика, музей, где я работала, чуть-чуть разбогател и стал посылать сотрудников в командировки за границу. Меня в том числе. Целых десять лет я навещала Лондон «по делу, срочно» за казенный счет: конференции, музеи, архивы... Света белого не видела, встречалась с «саксом» мельком по ночам.

И тут случилось! Мой давний лондонский приятель по переписке сделал мне предложение руки и сердца. Я подозревала, что он просто устал переписываться, но, как бы то ни было, шанс решила не упускать (что меня, разведенную женщину, в скором будущем пенсионерку, ждало в Москве?!) Я приехала в Лондон, чтобы «навечно поселиться». Муж-домосед не способствовал моему сближению с городом. Что еще

хуже – на третьем году нашей семейной жизни я стала видеть его в самом нелюбимом цвете – бордовом. Таким для меня было русское слово «жадный». После того, как в мой день рождения бордовый муж пригласил меня в кафе за углом (там мы чокались чашками кофе), а уходя бросил бармену: «Кофе у вас дороже, чем в „Старбаксе“, а чашки маленькие», я пришла к окончательному выводу, что цвет моего мужа надоел мне хуже горькой редьки. Следующий день рождения я праздновала в гордом одиночестве.

Впрочем, я не права: одинокой я не осталась. В мою жизнь вернулся ненадолго оставленный мной по семейным обстоятельствам «коллектив» (цвет «твидовый» с переплетением оттенков коричневого, телесного и хаки – пушистый такой). Сначала – это был коллектив магазина модной женской одежды, потом – исторического королевского дворца в Кью, а потом и самого Букенгемского дворца. Членам коллективов я симпатизировала, они мне тоже, хотя были и неприятные исключения. Вспоминаю:

– Это ваша ошибка, девушка! – строгая дама-менеджер (ее имя и должность складывались для меня в темно-фиолетовый цвет) отчитывает меня, одетую в форму смотрителя королевского музея. Я пропустила в музейный туалет пожилую женщину, которая показалась мне умирающей. – К вашему сведению, первый общественный туалет в Лондоне появился в 1421 году, и с тех пор, уверяю вас, их стало только больше.

Я намотала себе на ус – правила писаны для всех без исключения! – но задумываться было некогда: смена постов – каждые полчаса.

После рабочего дня в переполненном вагоне подземки меня накрыла догадка: а что если менеджер имела в виду не оплошность, а ошибку в жизни?! Размышляя над этим, я чуть не пропустила свою станцию Kilburn (цвет нежно-фиалковый). Выскочив из вагона на платформу и шагая плечом к плечу с усталыми людьми, я вдруг почувствовала неодолимую тягу утвердиться на этой земле – прямо здесь и сейчас. Ничтоже сумняшеся я заявила во всеуслышание: «Да, я слилась с массами лондонских трудящихся! Я всегда этого хотела!» Люди, шедшие рядом, конечно, ничего не поняли, но, как всегда, улыбнулись по-доброму. Русское слово «улыбка» для меня приятного абрикосового цвета, а английское «smile» – цвета киви. Я люблю и то, и другое.

В моей жизни началась светлая полоса. Я безостановочно влюблялась. Направо и налево. В величественные имперского облика здания, облицованные портлендским камнем элегантного серого-бежевого цвета (дома побеленные, а также кирпичные я тоже полюбила), в уютные скверы и парки с вечнозеленой травой, в короля Георга Третьего и его жену королеву Шарлотту, в молодого коллегу, в начальника-гея и наконец... наконец я влюбилась в первого встречного! Он встал за моей спиной в музее, когда я рассматривала портрет одной из жен короля, невезучего в семейной жизни, и как бы

про себя спросил по-английски: «Кто это?» Я повернулась и увидела: человек, а внутри «человека» чудесным образом поместилось английское слово на три... звука – «лав» – все разного цвета, а вместе – алые паруса на голубом горизонте.

От смущения во мне проснулась экскурсоводка (это как прививка оспы – на всю жизнь) и я рассказала. В недели и месяцы, последовавшие за этим, я рассказала англичанину про его родной город Лондон, в котором он мало что знал из-за постоянной занятости, потом о Шекспире, которого он не читал, потому что в одиннадцать лет в школе выбрал «науку», а не «искусство». Так мы и говорим с ним без умолку уже целых семь лет, даже по ночам – ведь в награду за труды как честный человек он обязан был на мне жениться. И женился!

И я познала счастье синестета. Город оказался совсем не суровым, и совсем не серым: он открылся мне в том самом цвете, который я и «видела» с самого начала. Сейчас, когда я думаю о двенадцати годах, проведенных в Лондоне, мне кажется, что здесь всегда светило солнце.

В реальности дождь, конечно был, но что реальность?! У меня она своя, и я счастлива!

Эдуард Артюхов Москва

Я знаю силу слов...

*В начале было Слово...
Евангелие от Иоанна
Глава 1 стих 1—17
Иоанн Богослов
(Новый Завет)*

В начале было Слово.
Не прав, кто скажет- нет.
И было Слово у Бога,
И слово было Бог...

К словам относимся мы легковесно,
Но сила слов мощна, тяжеловесна.
Вне времени и меж времен слова живут,
Они – есть вечность, ее они и создают.

Все начинается со слов,
Словами все кончается...
Слова – любовь и доброта,
Слова – яд, горечь и беда...

Слова излечат и убьют.
Слова – уют и неуют.
Слова – со зла войной идут.
Слова – мир и покой нам берегут.

Слова – нам красоту несут.
Слова простор душе дают,
И губят душу, загрязняя,
И чистят душу, нас спасая.

Мы силу слов не понимаем,
Когда бездумно их вещаем.
Они – оружие и щит.
Они- сознание и быт.

Поэты силу слова знают,
Их Муза в это посвящает.
Поэт – от Бога щедрый дар,
Тому, кто силу слов познал.

Я знаю силу слова...
Оно – общения основа.
Оно – основа мироздания,
Основа мира понимания.

Я знаю силу слов...
Они – добро, свет и любовь!
Они – тьма, холод и беда...

Зависит то лишь от тебя.

О роли поэта в современности

*«... до какой степени русские люди изголодались по словесной гармонии, по поющему ритму стиха. Этот голод естественен и понятен...»
Великий русский И. А. Ильин*

Поэзия – бесценный дар, коль озарил тебя.
Поэт – целитель светлых душ. Убийца – никогда!
И если Бог талант дает, обратно не возьмет.
Но, как ты пользуешься им, я думаю, учтет.

Поэт – пророк! Поэт – мудрец!
Рифм музыкант, Души певец!
Язык народа в нем живет.
Им дышит и поет.

Поэта дар, что от Творца, —
Он звонок и певуч.
А в дни беды, чтоб тьму прогнать —
Как колокол могуч.

Народ – прозаик скуден, ясен.
И этим тоже он прекрасен.
Народ – поэт могуч и звонок.
Он свет в себе хранит с пеленок.

Народу русскому не счесть

Поэтов звонких и могучих.
Ведь Пушкин у России есть!
Пиит Руси – один из лучших!

А рядом с ним в строю стоят
Поэты многие России.
Им всем за это – слава, честь!
Их всех уже не перечесть.

В эпохах разных их несметно.
На первый взгляд их незаметно.
Обманчиво все это, друг!
Поэтов множество вокруг.

Их шельмовали, убивали,
Забвенью тихо предавали.
Корили их и презирали.
Их в смутах просто забывали.

Но в тяжкий миг всегда искали.
Но в тяжкий миг их вспоминали.
Но в тяжкий миг всегда ценили.
Но в тяжкий миг их вновь любили.

Поэт от Бога – тот поэт,
Который воспеваает Свет
И истину тебе несет,
И к Свету за собой зовет.

Тернист поэта все же путь.
Гордыня, лесть, кругом соблазны...
И от того, кому служить —
Поэты очень, очень разны.

Все от того, чем службу мерить.
Все от того, как жить хотеть.
Все от того, как жить уметь.
И от того, кому, что петь.

Заманчиво блестит тропа,
Что пред поэтом стелет Тьма.
И многие по ней идут.
Им кажется, что лучше тут.

Как много стало их вокруг.
Их «творчество» корявит слух.
Творенья их смердят пороком.
Нет среди них, увы, пророков.

Сегодня Тьма со Светом бьется.
Ей что-то в этом удастся.
Но вижу я Поэтов русских возрождение.
Сильны и светлы их творения.

В них смелось духа, воля, восхищение,
В них милосердие находят отражение.
В них раскрывается земная красота.
В них и изящество, и простота.

В них правят вновь Надежда, Вера и Любовь!

На правый бой ведут Руси поэты,
Что пережили все наветы
И возродились в нас с тобой,
Чтоб с Тьмой вести духовный бой.

И от того, как будем мы трудиться,
Как с Тьмой в бою духовном биться,
Зависит главное – как быстро
Дух русский, самобытность возродится!

Россия разорвет духовный плен.
И русских, и нерусских, поднявши с колен,
Повергнет Тьму в тебе, во мне.
Оплотом Света станет на Земле!

Родился правнук Ганнибала

В Москве под лето,
Так уж стало,
Родился правнук Ганнибала,
Петра любимца, коих мало.

Еще не ведала Москва,
Кого в свет приняла она.
России мощного пиита,
Искусника России языка!

Нет, не от матери стремление
С прекрасной Музою общения,
А от отца – любителя звенящего словца,
Стихов любителя, стихов творца.

Да дядя был поэт от Бога,
Любитель рифм и острослов,
Нам плохо ведома его дорога,
Поэта Пушкина стихом рождал и он.

Когда поэт рожден по крови,
И родом Мамамы укреплен,
И сердцем в Музу он влюблен,
Поэтом Богом он благословлен.

Не знала гордая Москва,
Кому путь в жизнь она дала.
Но на руках потом носила,
Признала слова его силу.

Санкт-Петербург рукоплескал,
Россия-матушка любила.
В его словах краса и сила,
Но зависть и его убила...

В Москве под лето,
Так уж стало,
Средь равных коих очень мало
Родился правнук Ганнибала.

Эх! Столица, столица...

Эх! Столица, столица!
Озабоченные вокруг лица.
Все куда-то спешат, суетятся,
Все к чему-то упорно стремятся...

Все куда-то торопятся, мчатся...
Для чего? Трудно в том разобраться.
Если видели муравейника движение,
Ныне это – Москва, без сомнения.

Срочно нужно все, все на бегу,
Утром влился в спешащих толпу,
Ведь зачем-то, куда-то надо...
В поздний вечер в толпе той обратно.

Из столицы мечтаем мы в глушь...
В деревушку, на дачу... То – чушь!
Два-три дня в столице не побывать,
Зуд столичный уже не унять...

Из далека – опять в Москву!
Разогнать без столицы тоску.
А потом – опять желать,
Из нее побыстрее сбежать.

Диалектика жизни столичной,
От глубинки явно отличной,
Очень, вроде, Москва напрягает,
Но от себя далеко не пускает.

Эх! Столица, столица...

Пророчество

Как-то по земле бродя,
Повстречал ведунью я.
Хоть не верю в то, друзья,
Удивить смогла меня.

«Проза для тебя не слог.
Ты стихи писать бы мог.
Знать давно уж должен свет,
Что не прозаик ты – поэт».

«Что сказать тебе, ведунья?
С малых лет пишу стихи я.
Лишь писать я научился,
Рифмовать слова стремился.

Но в чести у жизни проза.
В этом, думаю, заноза.
Прозой Родине служу.
Места в службе нет стиху.

Ныне спит во мне поэт.
Стиху в прозе места нет.
Проза жизни ведь скупа.
Мне сейчас не до стиха».

«Ты, не прав, – ее ответ. —
Проснется вновь в тебе поэт.
Что забылось – то вернется.
Что потерялось – то найдется».

И была она права,
Я вновь добрался до стиха.
Проза жизни хоть скупа,
Есть в ней место для стиха.

Книги – мои друзья и учителя

Старое и новое. Старые и новые мировоззрения. Зачем нам ветхое и старое, если есть прогрессивное новое. Зачем читать печатные книги, когда есть все в виртуальной среде. Даже в современных библиотеках уже все в цифровых копиях есть. И так далее, тому подобное...

Буду честен, по молодости и сам подобно, горделиво глумился... Правда, это могло относиться к чему угодно, но только не книгам, журналам, газетам. Последние два вида, конечно, страдали. Их подводила периодичность издания, доступность и удобство использования для различных бытовых потребностей. При этом, первыми моими учителями, наряду с учебниками, были именно журналы и газеты, обнаруженные в глубине антресоли юным пионером, собиравшим макулатуру. Нет, они не были отправлены в общий макулатурный котел. Они были внимательно изучены, прочитаны, вновь перевязаны, плотно, старой бечевкой и уложены на антресоль, бережно. Сколько было в них нового, интересного, полезного, мудрого!

Это была моя первая, личная библиотека. Мои личные – друзья и учителя.

Мечтая о профессии космонавта, нужно было много и хорошо учиться, без книг и журналов это невозможно. Ныне это можно делать с помощью виртуальных программ, вирту-

альной реальности... Но об одном забываем: эта реальность создана на основе печатного слова и с его непосредственным участием, и, в большинстве своем, есть печатное слово, покинувшее материальные (каменные, глиняные, берестяные, деревянные, бумажные, кожаные...) носители.

Я читал, поглощал, книги и журналы в библиотеках, выйдя далеко за рамки школьных программ... Школьная библиотека пала быстро, за ней скоро – районная и городская. Я читал много, вздохнул, полками и стеллажами...

Там, в тишине и возвышенной, благородной атмосфере почитания и уважения книг – носителей мысли человеческой, я постигал мир, виртуальный мир, который формировал мой внутренний мир, мою внутреннюю виртуальность, чем сейчас является искусственный интеллект, умноженный на миллиарды. Разница одна – наш внутренний виртуальный интеллект (разум) живет в нас и всегда, до последнего мгновения, с нами. Новый искусственный интеллект – вытащи вилку из розетки и его нет. Хоть, впрочем, почти одно и то же.

А дух библиотеки, запах книги? Это совершенно удивительно, если не болеешь насморком, или с рождения (что очень редко) не различаешь запахи.

Печатная книга – особое явление. Она – осязаема. Она дает понять материальность и вес мысли человеческой, и материальный, и нематериальный (значение для формирования и развития человеческой цивилизации).

Нет человека без слова. Слово – это инструмент создания и передачи, выражения мысли. Даже немые с рождения говорят с нами словом.

Искусственный интеллект – дело нужное, хорошее, добрый нам помощник.

Но стоит учитывать мнение многих наших родных и зарубежных писателей фантастов, философов. Яд змеи в малых количествах – польза, лекарство.

Искусственный интеллект (разум) – порождение человеческого разума (интеллекта). Один человеческий мозг, умноженный на миллиарды.

А как сложно Богу, создавшему свое строптивное, по образу своему, дитя? А сможет ли это дитя обуздать созданный, по образу своему, искусственный интеллект, если тот в гордыне станет строптивным? А он уже самостоятельно пишет, рисует, читает, создает... творит... живет...

Как бы ни было, печатное слово в книгах, журналах, газетах не должно погибнуть, как ненужное. Это наш – оберег, резерв-хранилище самого большого богатства – мысли человеческой.

Приговорить печатные издания к смерти – убить самого себя.

Любите книги, читайте книги, друзья!

Мы последнее поколение

Мы последнее поколение,
Кому книги давали знания.
От учителя принимали их,
В книгах верных черпали их.

Мы последнее поколение,
Жить учились во дворе и на улице,
Жизнь на опыте познавали мы,
На примерах жизнь изучали мы.

Мы последнее поколение,
С виртуальностью не дружное,
Слово «гаджет» для нас ругательство,
Хоть и с ним пришлось познакомиться.

Мы последнее поколение,
Кому знания давались нужные.
Мы, конечно, познали и новое,
Даже вовсе для нас ненужное.

Мы последнее поколение,
С детства к знаниям верным пытливые.
Мы учились и много трудились,
Чтобы жизнь была наша счастливою.

Мы последнее поколение,
Орешек знаний упорно что грызло.
Гранит наук колоть хоть трудно,
Но интересно, а не нудно.

Мы последнее поколение,
Что прирастало трудом, не везением.
Что успех свой само создавало,
А не манны с небес в мечтах ждало.

Мы последнее поколение,
У кого есть свое мнение.
Не чужое, от гаджета и телевизора,
В свое – данное знанием жизненным.

Мы последнее поколение,
У кого есть мировоззрение.
Настоящее – от знаний, науки,
Не из пальца высосано от скуки.

Мы последнее поколение,
Кто на легкое не ведется.
Чтобы жизнь была красивою,
За тяжелое смело берется.

Мы последнее поколение,
Кому жизнь дарила знания,
Потому как стремились взять их,
В книгах было об этом послание.

Мы последнее поколение,
Книги кому давали знания.
Кто познал книг святое послание-
Если хочешь, получишь знания.

Мы разучились книги в руки брать

Безжалостен безумия прогресс.
Он только в новом видит интерес.
Ему лишь глупость радоваться может,
Ее потери не тревожат.

Мы разучились книги в руки брать.
Их с интересом, с упоением читать,
Пытаясь истину познать
И мудрость их в себя впитать.

Мы с ними жизнью одной жили.
Мечтали, верили, любили,
Искали, знания и опыт обретали,
Высоты и глубины покоряли.

Мы бороздили океаны
И посещали мира страны.
В пустынях с караванами ходили,
В лесах дремучих мы бродили.

Науки рьяно познавали,
И находили, что искали.
И космос покорить мечтали.
И подвиг совершить желали.

Мы сказки без иронии читали,
Зло в сказках верой побеждали.
Пугались, плакали, смеялись,
В героев сказочных влюблялись...

Мы книги искренне любили.
Мы с ними жили и дружили.
Читая, пачкали, марали,
Нечаянно бывало рвали.
Обидев их, переживали.
Свои ошибки исправляли,
Их очищали и латали,
Их берегли и сохраняли.

Но, как -то вдруг мы их забыли...
На них упали слои пыли.
Мы книги в руки не берем.
Мы в виртуальности живем.

Они не красят уже дом,
Забыв о них, где мы живем.
Они забыты и страдают,
Они в забвении умирают...

Без них наш опустеет дом.
Умрут они – и мы умрем.

Серьезные, наивные, смешные,
Лиричные, практичны и мудры...

В руках у нас они живые.
Без наших рук они мертвы.

Они от сердца зарождались.
Они руками создавались.
В них разум мыслями живет.
Из нас людей он создает.

Быть человеком разум учит.
Читать не должно нам наскучить.
Мы, Л Ю Д И, К Н И Г И создавали,
Чтоб быть людьми мы не устали.

На стеллажах, в домах, в чуланах,
В библиотеках и подвалах,
В хранилищах и просто так...
Всего же хуже, то – в печках.

Сегодня книги погибают,
Сегодня книги умирают...

В их смерти нету их вины.
В том виноваты только мы.
Забыли мы, что в них читали,
И от того бездушней стали.
Они хранители познаний,
Которых взять уж нет желаний.
Они хранители любви,
Которую теряем мы.

Они хранители добра,
Что нас спасает ото зла.
Они хранители души,
Которую теряем мы.

Сегодня книги погибают,
Сегодня книги умирают...
Уж не берем мы в руки их.
Сегодня предали мы их.

Мы разучились правильно учить

Мы разучились правильно учить,
Все школы жизни наши растеряли.
И риторическим стал сам вопрос:
Как их такими воспитали?

Без школы нужных знаний нет.
Без школы – нет и воспитания.
Любые в том пусты старания —
Не знания важны, важно воспитание.

Да, знания надо передать,
Но нужно дать их человеку.
Без воспитания человек- калека.
Всегда так было – век от века.

Мы школу Матери в неведении утратили.
И нынче матери в незнании молчат,
Их матери, утратив школу, промолчали,
Когда чужому их чужие научали.

Мы школу потеряли и Отца.
Быть может виновата в том война,
В которой лучшие героем полегли.
Отцов не все увидели сыны.

А потому и сами помельчали,
Ведь школы Матери, Отца не знали.
На школу Рода видно уповали,
Но и ее по жизни растеряли.

Мы школу Рода потеряли и забыли.
Родителями быть в веках учили.
Сын без отца – подарок сатане,
Но старшие в родах давно молчат уже.

В безверии, в безбожии преуспели,
И школы православные закрыть сумели.
Заветы Рода, практику Отца и мудрость Матери
В безверии и лжи почти растратили.

Нам школу Родина старалась дать,
Утраченные школы удалось собрать.
И эту школу иуды-нео оболгали,
Ее, как все, мы тоже потеряли.

И что же делать, как же быть?
Чему учить и как учить?
Все эти школы нужно возвращать,
Все лучшее в единую собрать.

Мы разучились правильно учить,
Все школы жизни наши растеряли.
И риторическим стал сам вопрос-
Как их такими воспитали?

Мы часто смотрим в небеса

Как часто смотрим в небо мы,
Тоскуя, будто, без причины.
Быть может, там мы рождены,
В неведомой для нас дали.

И где-то там, среди звезд, наш дом.
А на Земле мы лишь живем,
Забыв, кто есть мы в самом деле,
С душой бессмертной в брэнном теле.

И потому мы ввысь глядим,
Как птицы, ввысь лететь хотим...
Туда, где, может быть, нас ждут
И звезды ночью нас зовут.

Мы часто смотрим в небеса,
В душе рождается тоска,
Нам хочется помчаться туда,
Но не пускает Матушка-Земля.

Наша жизнь простое путешествие

Наша жизнь простое путешествие,
По маршруту, что наметил Бог.
От рождения – начала путешествия,
До момента, когда жизни поведен итог.

Потому, шагайте без сомнения,
Каждый миг судьбу благодаря,
По дороге Богом обозначенной,
Не теряя время на пустое зря.

Улыбайтесь, даже если горестно,
Близкие поймут вас и друзья.
Не жалейте то, что уж потеряно,
Что прошло, вернуть уже нельзя.

Не скорбите долго за усопшего,
Память добрую о нем в душе храня,
Ведь когда у вас в душе светло и радостно,
Радуются с вами небеса.

Путешествуйте приятно, с удовольствием,
О хорошем думая всегда, его даря.
На маршруте если вдруг препятствия,
От грехов то прививает Бог тебя.

Наша жизнь простое путешествие,
Потому шагайте без сомнения,
По дороге Богом обозначенной,
Не теряя время на пустое зря.

На саратовском «блошином» рынке

На саратовском «блошином» рынке,
В раритетах всякий здесь развал,
Я советскую простую Невалюшку,
Среди хлама яркой увидал.

Среди серых шмоток, железяк и тапок,
Яркий бело-розовый утес,
Что не раз в обидах детский,
Утирал нам стойкостью своею нос.

Стойкая, всегда с улыбкой, Невалюшка,
Детский яркий пупсик-улыбашка,
С Мишкой плюшевым наш первый друг,
В жизни стойкости учитель делом, а не вслух.

Вся потерта, вмятины местами,
Среди серости с улыбкою стоит,
Вдруг по сердцу болью жгучей,
Глаз слегка подернуло слезой...

Сколько стоит? Да... бери бесплатно.
Никому видать уж не нужна...
Детям нынче важно – каши ложку,
Вся страна лежит сегодня в лежку...

В руки взял я нежно Неваяшку.
Все же, батя, в целом, ты не прав.
Если духом ты немного сдался,
У Отчизны нашей крутой нрав.

Как не рвут, не валят страну нашу,
Мы с тобою еще пока живем,
Под ударами трещит хоть отчий дом,
С духом Неваяшки проживем.

Кукла малая – Страны Великой символ,
Нашей стойкости с рождения учитель,
Даже с ног когда ее детей сбивали,
Зубы сжав на бой они вставали.

На саратовском «блошином» рынке,
Символ Родины своей я увидел.
Я советскую простую Неваяшку
С надеждой к сердцу своему прижал.

Мы воспитаны на сказках Роу!

Мы воспитаны на сказках Роу,
Познавая Добро и Зло.
Восхищаясь миром сказок,
Мы сражались со злом за Добро.

Огонь, воду, трубы медные проходили,
Коней сказочных в поле ловили,
С Горбунком Жар-птицу искали,
Что такое «любовь» уясняли...

Мы с Кашеем в бой вступали,
Сила в чем Родной Земли знали,
Слабых от беды защищали,
Как Отчизну беречь познавали...

С Ягой Бабой не раз встречались,
Как коварство различать обучались,
Что гордыня – беда роду, семье,
И что зависть всего страшней...

То, что дружба не есть служба.
То, что дружба – это сила, душа.
То, что жизнь всего на свете милее.
Что лишь Родина-мать всем хороша.

Что девица-краса не всегда
Мила, добра, хороша...
Что любовь для семьи хороша,
Но дорога к ней трудна...

Что любовь – творит чудеса,
С нею слабость сило сильна,
С нею горе и смерть нипочем,
Если жив ты любовью с добром.

Мы учились, как правильно жить,
Как беду, коль пришла, пережить,
Как любить и верность хранить,
Зло отвергнув, Добру служить...

Познавая Добро и Зло,
Восхищаясь миром сказок,
Мы сражались со злом за Добро,
Не помышляя ничего другого.

Мы воспитаны на сказках Роу!

Я пишу то, что писать желаю

Я не народный бард-певец,
Не пустословой попсы творец,
Не рвусь на сцену и телевидение,
Не пишу для бородатых баб евровидения...

Я пишу то, что писать желаю.
От души в жизни нашей мечтаю,
Чтоб исправилась нашей жизни ошибки,
И сияли детского, настоящего счастья улыбки!

Читайте книги, берегите, господа!

Да, не гусиное перо
Скрипит сегодня по бумаге.
Прогрессом много нам дано...
То – истина святая, то – не враки.

Чтоб мыслью рифмы, строки разбудить,
Собрав их вместе – чудо сотворить,
Чтоб не забыть и для потомков сохранять,
Не нужно ныне птиц пера лишать.

Есть много способов бумагу замарать,
Чтоб слово глупое иль мудрое писать.
А можно вовсе не марать бумаги,
То – истина святая, то – не враки.

Лишь было бы кому и что писать,
Стих или прозу сочинять...
При солнечных лучах и при свечах,
Стихи иль прозу создавать...

Прогресс дал почву для наветов.
Мол, не нужны в миру поэты,
Перо с бумагой вовсе не нужны,
Анахронизмы в мире виртуальности они.

На видео и в файл все можно записать,
Зачем печатать книги и писать,
Зачем их про себя иль вслух читать,
Все в мире виртуальном можно отыскать...

В который раз досужие повесы,
И недоросли новые, невежды,
Калеки и ревнители прогресса,
Вам нужно говорить и повторять:

Так если глупо размышлять,
То в миг один все можно потерять,
Стихи и прозу, как и прежде сочинять,
Но, вновь, на камне камнем их писать.

Чтобы такая снова не пришла беда,
Когда без грамоты пуста душа,
А в мире нет, потеряно, добра,
Читайте книги, берегите, господа!

К детям и внукам, к следующим поколениям

Оглянитесь, дети и внуки,
Осмотрите с умом, не от скуки,
Чтобы главное в жизни понять,
Чтоб оплотом Земли Родной стать.

В любви вас родители зачинали,
В муках Мамы к свету рожали,
Вас вниманием, теплом окружали...
Не у всех хоть такое бывало.

Родились вы на землях народов,
Что пахали на них год из года,
Хлеб растили и дружбою жили,
Врагов вместе за Родину били.

И сплотившись в большую Страну,
Прошли радости и горе-беду,
Вас на свет в любви породили,
Чтобы вольно в стране своей жили.

Вы на землю свою посмотрите,
Вы победами предков живите,
Полита она кровью и потом,

Чтобы жить вам на ней без заботы.

Если враг на Землю Родную придёт,
Кровь и пот проливать ваш черёд,
Чтобы вашим детям и внукам,
На земле своей жить без забот.

Посмотрите, дети и внуки,
Вы на землю свою не от скуки,
А с умом на неё посмотрите,
К ней с любовью, как мы, вы живите!

Добро любите и его дарите

Не пребывать чтоб в маяте,
Проснувшись рано утром,
В предрассветной мгле,
Подумайте спросонок о добре.

В безделья дня иль суете,
О Света размышляйте доброте.
И даже, если горе и беда,
Не забывайте о присутствии добра.

Когда приходит время засыпать,
Не забывайте о добре поразмышлять.
Добра себе в день новый пожелайте,
И всему миру пожелать не забывайте.

О добром мыслите и говорите,
Добра желайте и добро творите,
С добром дружите и живите,
Добро любите и его дарите.

Благодарите Бога за утро новое

Благодарите Бога за утро новое.
За с солнцем день и осень теплую.
За покой в доме и пищу вкусную.
За то, что по свету немало пройдено...

В мире идеального не бывает.
У кого-то и этого не бывает.
Свою жизнь мы сами проживаем.
Что отдаем, то с жизни получаем.

Пожаловаться Богу на кого,
Коль в жизни нашей нелегко?
Что попросить, жалуясь, Его,
Чтоб в жизни стало вдруг легко?

В мире идеального не бывает,
Что есть у нас, у кого-то и не бывает.
Все, что имеем, сами создаем.
Что создали – тем и живем.

Потому для жалоб Богу нет причин,
К Богу с жалобами всуе обращаться.
За прожитие годы Его благодари,
Благословение оставшимся спроси.

Благодарите Бога за утро новое,
За осень позднюю в тепле,
За в доме радость и спокойствие,
За пищу вкусную, что на столе.

В мире идеального не бывает.
У кого-то этого ничего не бывает.
У кого-то жизнь бывает недолгая.
Благодарите Бога за утро новое!

Время лучшее для поэта

Пишется лучше под утро,
Часиков в пять или шесть.
Мозг в тишине потрудился,
Стих, словно пазл, сложился.

День весь разум страдает,
От рифм суета отвлекает.
Ночью покой, тишина.
Муза приходит сама.

С разумом Муза беседует,
Рифмами Муза заведует,
Отведают вместе стиха,
По утру строка рождена.

Время лучшее для поэта-
Утро в период рассвета.
Муза устало уходит,
Разум стихи производит.

«Невскому Альманаху» – юбиляру!

Нет! Ему не двадцать лет.
То знает и писатель, и поэт,
И критик, и простой читатель...
О нем забыли на сто лет.

Его читали и в народе,
И вельможные фигуры...
Он – драгоценный камень
Русской вековой литературы!

Ей без него – никак нельзя,
И почитателям благодаря,
Он пробудился от векового сна,
И вновь его читает все страна!

Журнал литературный «Невский Альманах».
Кто прочитает, скажет, знаю: «Ах!»
Не просто то литературный альманах —
Явление то, не только на Невы берегах.

России жизнь – и в прозе, и в стихах.
Россия-матушка и русский дух в нем
Живут вновь, жили как в веках,
Он рифм и прозы новый старый дом.

Как прежде, наполняется он лучшим словом,
Уж подзабытым чуть и дерзко новым...
Вновь, двадцать лет уже, Великая Страна
Томно нежится в объятиях прозы и стиха.

Санкт-Петербург всегда питало слово,
И ныне это правило, как видим мы, не ново.
Великолепно, что традиции остались,
Чтобы добротным и высоким словом мы питались.

Нет! Ему не двадцать лет!
Он – мастодонт, литературы русский Дед!
Считаем время лишь с момента пробуждения,
Второго, как в народе говорят, рождения.

Еще ни раз его мы полистаем,
Поэзии и прозы исчерпаем,
Амброзии литературы отольем
И с упоением напиток сей испьем!

Широка страна родная!

Широка страна родная!
Это, братцы, точно знаю.
Третью над нею я летел,
С неба на нее глядел.

Знаю я, что видит Бог,
И любой, кто в небо смог.
Земли бескрайней красота!
Открыла неба это высота.

Повезло. Под облаками
Я летел пятью часами.
Как на ладони Мать-земля!
Как ты, родная, хороша!

Утро первого октября 2024 года

Мы сегодня с Осенью вместе
Завтрак по утру разделили.
Ароматное крепкое кофе
По фарфоровым чашкам разлили.

Хоть пришла она без приглашения,
В разноцветных вся ярких одеждах,
Но что в гости заявится Осень,
Не оставит никогда нас надежда.

В этот раз загуляла где-то,
Притомилось ее ждать Лето.
Кофе крепкое мы пригубили,
Осень с Летом об этом спросили.

Улыбнулась нам хитро Осень, —
Любопытства много в вашем вопросе.
По пути мне Любовь повстречалась,
Потому я слегка задержалась.

Послужил Лету мой Сентябрь,
Будет теплым и нежным Октябрь,
За Ноябрь уже не ручаюсь,
Холода Зимы сдержать постараюсь.

Лето кофе допило и в путь...
Нужно Лету от трудов отдохнуть.
Мы же с Осенью еще посидим,
Улыбаясь на мир поглядим.

Полюбujemyся на листопад,
Вдохнем душистый лесов аромат,
Повспоминаем с Осенью мы,
Как с Любовью встречи хороши.

Услышать музыку души

Услышать музыку души,
Хоть всем с рождения дано, увы,
Видать, не всем тот звук удобен,
Не каждый к этому способен.

Душа звенит, душа поет,
Мелодией добра играет...
Бывает плачет и рыдает,
От горя зверем завывает...

Что сотворит наш композитор,
Зависит только лишь от нас,
Коль светел звуков архитектор,
Создаст шедевр в творения час.

Услышать музыку души,
Вы обязательно старайтесь,
Мелодии познав ее,
Добром и светом заряжайтесь!

Улетела любовь

Улетела любовь, как птица,
На прощанье не помахав крылом...
Может быть она возвратится?
Разгорится вновь уголек огнем.

Ничего то не предвещало,
Только, видно, она устала...
Ее мимо мечта прошагала,
Безнадега ее покусала.

Улетела любовь, как птица,
Не прощаясь, взмахнули крылья...
Может быть она возвратится...
А быть может навсегда умчится.

У пивного ларька столичного

У подземного, к метро, перехода,
Чем богата столица Москва,
В толпе двигаясь спешащих прохожих,
Увидали мы, втроем, старика.

У палатки-ларька «Шаурма-Пиво»
Стоял он, съезжившись стыдливо,
Как испуганный, нашкодивший ребенок,
А в руках его совсем малый котенок.

– Что, Отец, продаешь котейку?
За какую отдаешь копейку?
Взглядом горьким он в нас уперся:
– Не, котенок не продается.

Подобрал я его недавно.
У помойки пищал. Он славный.
Ближе нет его у меня,
Только нынче у меня беда...

Так бывает... «Горит душа».
Мне бутылочку бы пивка...
А хватает лишь на пакет молока.
Котик тоже не ел с утра.

До магазина мне не дойти,
Упаду, боюсь, по пути...
В ларьке нет молока для кота.
Вот такая, сынки, беда...

– Что ж не спросишь, помочь прохожих?
– Стыдно мне, сынки, очень- очень,
Вида нынче я сильно помятого,
Все бегут мимо старика неопрятного.

Так бывает, мои друзья,
Один человек когда – то беда.
Сгинуть могут два существа —
Это очень большая беда.

Как-то сердце слегка прищемило,
В милосердии ведь наша сила.
– Давай, батя, на пятерых сообразим,
Пивом и молоком мы угостим.

А прохожие мимо бежали,
Осуждения взгляды бросали...
Три солидных на вид мужика,
Поят пивом старика-бомжа...

Вчетвером по бутылочке, по другой,
Закусили пивко шаурмой.
Молоко жадно пил котенок,
Изголодался кошачий ребенок.

– Как здоровье, Отец, полегчало?
Не бывает в мире во всем идеала.
Ты себя уж побереги,
Без тебя и коту – «кранты».

Мы до дома его проводили,
Еды обоим, до пенсии его, купили.
– Дай здоровья вам Бог, сынки.
Очень мне и коту помогли.

Ушли домой старик и котенок.
При прощании был старик неловок,
Хоть и смотрел на нас отважно,
Озадачил, видно, мужиков важных.

Шли сегодня мы, втроем, в ресторан.
Не дошли, то пустой изъян.
Вкусны были пиво и шаурма,
На пятерых у пивного ларька.

Все при званиях и должностях,
Только это все пыль и прах.
Важно, чтобы, когда беда,
Поддержала чья-то рука.

Ночная встреча

По асфальту во дворе
В гулкой ночи тишине,
Кто-то топает, я слышу,
Но, о чудо, я не вижу.

Хоть по жизни непугливый,
Не бесстрашен в миг такой...
По дорожке кто-то чешет...
Кто, не видно. Ну-ка, стой!

Шаг за шагом кто-то ближе.
Но его, увы, не вижу.
В пору тут и напугаться,
Видно с призраком встречаться.

Хоть не верю в них, ребята,
Но мурашки меж лопаток.
Зябко что-то стало вдруг.
Холод, говорят, от них.

Ближе, ближе. Шаг за шагом.
Может в пятки тут отвага.
Кто-то, топая, идет...
Но, не вижу... Может, черт?

Не хотелось хоть встречаться,
Надо с силами собраться,
Как вплотную подойдет,
Неприятность черт найдет.

Незачем людей пугать
И невидимкою шагать.
Ну-ка, нечисть, покажись,
Преодо мною появись!

Будем биться, честь по чести,
Без чудес и колдовства.
Ты по совести давай-ка.
Друг на друга. Ты и я.

Топот ближе, ближе, ближе...
К битве я готов, но вижу...
По асфальтовой дорожке,
Когти не подстриг на ножках,

Словно тучный человек,
Напугав в округе всех,
Еж упитанный идет,
А не там какой-то черт.

По делам своим спешит,
Сосредоточенно сопит.
Меня, видно, испугался,
В сторону мою фырчит.

«Людам нужно ночью спать,
А не дорожками шнырять,
Мне охоту всю сорвали,
Что пред сном мне пожевать?»

Это, братец, не вопрос.
Не в обиде будет еж.
Ты бы когти подстригал,
А то народ весь напугал.

Пива светлого вот кружка,
Шашлычок, кусок ватрушки.
Оба маху чуть не дали,
Не случись то нынче с нами.

Принял ежик дар с меня,
Видно, добрая душа.
Пиво выпил, мясо съел,
С ватрушкой – в лес, там много дел.

Напоследок оглянулся,
Вроде, даже, улыбнулся.
«Чаще по ночам гуляйте,
На шашлык нас приглашайте».

Знаю нынче твердо я,
Лучшие ежи друзья,
Если в ночь не испугаться,

Когда с ними повстречаться.

Ностальгия

Ноет сердце. С ним душа.
Жизнь хотя и хороша,
Но терзает ностальгия,
Было лучше в прошлом мире.

Что же с нами приключилось,
Как же в свете так случилось,
Что нас мучит ностальгия,
Лучше было в прошлом мире?

Как настоящее нужно загубить,
Чтобы в прошлом хотеть жить?
Не стремиться в будущее светлое,
А не забывать прошлое приветливое?

Не убейте в себе человека

Себя все чаще на мысли ловлю,
Так ли жизнь я свою живу?
Так ли нужно, как я поступаю?
Может тьму я в себя запускаю?

Стало больше вокруг суеты,
Меньше стало среди людей простоты.
Больше стало людей пустых,
Души злоба грызет, видно, их.

Может кажется мне это...
Так веками жила планета.
И так было из века в век,
Ведь страстями живет человек.

Зависит все лишь от нас,
Каждый миг, минута, час...
Нужно жить в течение своего века,
Не убивая в себе человека.

Не забывайте истину святую

Давно всем осознать пора —
Идет давно жестокая война,
Не за просторы океанов и раздолье суши,
Идет война за наши души...

Жестокая, кровавая война...
Жестокая, коварная война...

Безумной, суетной порой
Не забывайте истины святой!
Какие б не творились по миру дела,
Как Мама, Родина у нас одна!

Сегодня в половине мира
Над Нею занесли секиру...
И, как Христа, хотят Ее распять,
Ее детей копытами топтать...

Не раз такое Родине желали,
Бывало и копытами топтали,
Но грудью за Нее всегда стояли,
За Родину бывало погибали...

Безумной, темною порой,
Не забывайте истины святой!

Какие б не вершились тьмы дела,
Как Мама, Родина у нас одна!

Труден хлеб русского поэта

Труден хлеб русского поэта,
Но такому не в новинку это...
Глупость только рифма победит,
Разум снова к жизни возвратит.

Нынче власти не нужны поэты,
Впрочем, как и во времена заветные.
Трудно в рифму истину искать,
Проще с голой попой скакать.

Время нынче вновь такое,
Только рифма не дает покоя.
Голой попой никого не удивить,
Зрелищем без хлеба не прожить.

Стихи писать умеет каждый (пожелание начинающим поэтам)

Стихи писать умеет каждый,
Не сложно рифмы сочинять.
Труднее, чтобы рифмы были нежны,
Чтобы приятно стих было читать.

Чтоб был он стройным и красивым,
Улыбку или слезы вызывал,
Чтоб содержал и смысл, и разумность,
Чтоб в грезы сказочные звал.

А может быть, не очень строен,
Но от души для разума устроен,
Для сердца словно мира и елей,
Чтоб среди мрака стало вдруг светлей.

Стихи писать умеет каждый,
И убедится в том однажды,
Когда возьмет перо с бумагой,
Стих сотворит, исполненный отвагой.

Стихами говорить отменное занятие (стихотворная, дипломообмывательная работа)

Стихами говорить отменное занятие,
Стих прозе мне милее и приятней,
Но проза жизни – смерть стиху,
Я это точно знаю, братья!

Сегодня мы под водочку с икрой собрались,
Чтоб помянуть добром года, что мы старались,
Учителей восславить тех, кто помогали,
Чтоб правоведами отменными мы стали.

Года студенческие пулей пролетели,
Хотя немало мы познать успели,
Науки трудные с усердием учили.
Нескучно жили, по-студенчески кутили,
И, наконец, дипломы нам вручили.

Студенчество – лихи молодые годы,
Учеба, семинары, лекции, экзамены, зачеты,
Общественная, комсомольская работа,
Каникулы и стройотряды, пикники, походы...

У каждого студента большие планы и заветные мечты,
Для воплощения задачи и заботы у каждого свои,
Стипендия кому-то, хоть и есть, но не нужна,
Кому-то трудно, если нет ее или она мала.

Студенчество – заботы, хлопоты, труды,
Сухая проза жизни не оставляет время на стихи.
Хоть и стихами говорить отменное занятие,
Стих прозе хоть мне милее и приятней.

Что ждет нас за воротами страны,
Студенчеством что называем мы?
Нам нынче это точно не известно,
В надежде – не менее что будет интересно.

Отныне наш язык- скупая юридическая проза,
Ей чужды поэзия, литературные курьезы.
Профессии язык разумен, сух и строг,
Людские судьбы ведь его итог.

В студенческие годы стихов немного написал,
Но к Музе стих-дружище не сбежал,
От прозы жизни и профессии хоть он устал,
Меня, хоть реже, с Музой все же навещал.

Друзья! Поднимем радостно мы кубки
За новых правоведов, рожденных в эти сутки!
Стихами все же говорить отменное занятие,
Стих прозе все же мне милее и приятней!

Ножкину Михаилу Ивановичу (кратко и четко)

Когда Вы прозу и стихи писали,
Мы с шапкою под стол шагали!
Поклон!

Здравствуй, Муза!

Здравствуй, Муза! Ты пришла.
Знать, не спать нам до утра.
Ночью чаще ты приходишь,
Днем другие, знать, дела.

Хорошо, богиня, вам!
Не нужно предаваться снам.
Мне бы сон не помешал,
Но с тобою он пропал.

Отоспимся, не впервой,
Чаще видится б с тобой.
Днем и ночью хороша,
Как зайти пришла пора.

Заходи! Я жду тебя.

С тобой рядом поет сердце,
Счастьем полнится душа.
С тобой рядом разум волен.
Как, ты, чудно хороша!

Нужна поэтам самая малость,
Чтоб Муза чаще нам встречалась,
Чтоб рифмой днем нас теребила

И чаще по ночам будила.

О Любви

(ода Любви наикратчайшая)

Любовь – есть в свете то,
Жить стоит нам лишь для чего.

Ночь сегодня хороша

Ночь сегодня хороша.
У нее твои глаза,
У нее твое дыхание,
Воплотились в быль мечтания.

В неге сладостной томление,
Нежных ласк прикосновения.
Нет приятнее занятий —
Страстных от любви объятий.

Ночь сегодня хороша.
Лучатся счастьем твои глаза,
Как звезды яркие во тьме,
Ночь улыбнулась мне, тебе

Разговор с Сердцем о Жизни, о Любви, о Счастье и вообще

Скажи мой, Добрый Друг,
Мое израненное Сердце,
Что есть – Любовь?
Что – Счастье есть?
И вместе ли они идут по Жизни?

Что есть – Любовь?
Горячий нежный поцелуй?
Объятий нежных, первых утомление?
Иль бурное влечение, иль первое сомнение?
Без разума бушующее Сердце?
Иль все бессмысленно вокруг,
Кода Душа, что Сердцу – друг
И спутник в Счастье и Несчастье,
Пытается ту бурю остудить
И Разум с Сердцем примирить?
И Сердце с Разумом собою слить?
А может этому не быть?

О, Сердце! Когда трепещешь Ты
И рвешься из груди —

Ведь это Счастье?
И кричишь Ты о Любви?
Да! Ты, кричишь от радости —
О Счастье! И о Любви!
Что радость для Тебя,
То радость Жизни, Счастье для меня!
Ты радуешься Счастью
И Душа, которая с Тобой,
Которая в Тебе, поет Она с Тобой,
Трепещет, как и Ты!
Растет в Ней нежность и Любовь,
Как яркие цветы!
И каждый нежный вздох
И Разуму, и Сердцу, и Душе —
Единый Бог, единый вздох,
Единый путь, один итог —
Любовь!

Но как же дальше быть?
Ведь скажут: «Всех нельзя любить!».
Душа моя, ты в Сердце видишь бурю.
И в нем спокойствию не быть!
Чтоб жить – должно Оно любить!
Как Сердце сохранить и успокоить?
Как вместе с Вами мне в спокойствии прожить?

Я знаю – как! Хочу любить!
Спокойствию, увы, никак не быть!
И Вам придется уступить,

Помочь мне с Вами с Жизнью дольше быть!
Нам с Вами абсолютно ясно,
Что с Жизнью долго быть, дружить- прекрасно!
Когда Мы вместе – Счастье укротит Несчастье!
Оно Нам – друг и спутник! Прочь ненастье!
Нам – в Мраке душно! С Солнцем Наше Счастье!

Да, я – Люблю! Чем доставляю Вам немало напряжений.
Прошу лишь поддержать меня Вас без сомнений!
Любить Душой и Сердцем нужно Жизнь!
И Родину! И Маму! И Отца!
Друзей! И Братьев! И Сестер!
Детей и Внуков! Мир вокруг!
О, Разум и Душа, и Сердце – Добрый Друг!

И, верю я, Тебя любя, но не жалея и храня,
Покоя не давая и трепя тебя на жизненном пути,
Что вместе долго будем Мы идти!
Меня простишь за не покой и поведешь вперед с Собой!
И в радости со Счастьем и со Смертью в бой!

Душа, ведомая Тобой —
Твою Она лишь знает истинную Роль!
Душа моя! Для Сердца Счастье – боль!
Как и Несчастье – боль! Вместилище эмоций – Его Роль!
Эмоции – враги ему они, покоя не дают,
И Сердце стонет, рвется, бьется... Эмоциями
рушится уют.
Когда Оно счастливо и смеется,

Оно ведь тоже – бьется, бьется, рвется...

О, Сердце, Мой любимый Друг,
Ведь если полной Жизнью жить-
Тебя не сохранить!

Любовью можно, но чуть-чуть, от боли оградить!

Лишь Ты даешь мне право жить!
Способность полюбить, в Тебе Любовь хранить!
В Тебе – и Счастье, и Любовь!
В Тебе – Душа и Жизнь!

И лишь Душа моя, Она, в Тебе способна жить!
Творить Любовь, творить Добро и Счастье!
И любить! Тебя и Их с тобой любить!
И Жизнь любить и с Ней дружить!

Тебя люблю, но не могу Тебя я уберечь!
От Жизни, Счастья и Любви Тебя предостеречь!
Без них бессмысленно идти вперед с Тобою мне,
Без них и Душу, Нам с Тобой, поверь, не уберечь
Ее от Мрака не спасти, от Зла не остеречь!

Скажи мой, Добрый Друг,
Мое израненное Сердце,
Что есть – Любовь?
Что – Счастье есть?
И вместе ли они идут по Жизни?

Теперь я знаю Твой ответ!
И это – не секрет!
С Душою Ты перед идешь!
И Всех с Собой ведешь!

У ночки тёмной твои глаза

У ночки тёмной твои глаза,
Промчалась по небу, прикрыв себя, луна,
Она все знает, ведомо все ей,
И потому мы приклоняемся пред ней.

Она влюблённых покровитель,
Она тайн многих истинный хранитель,
Она чиста и беспристрастна,
Дана ночному небу не напрасно.

У ночки темной твои глаза,
От их лучей она светла,
В твоих объятиях нежна,
Укрылась тучкой скромная луна.

Товары в дорогу

Дает нам жизнь с рождения не много
С собой товаров в путь-дорогу...
Бесплатно нужное нам раздает,
Чтоб, как могли, мы шли вперед.

Что положили нам, собрав, Отец и Мать,
Что самому пришлось в котомочку собрать...
И только нам сами в пути решать,
Как всем, что есть у нас, распорядиться,
В дороге чтобы нам не заблудиться.

Твои лучистые глаза

Твои лучистые глаза,
Любви в них яркая звезда,
Горят они души огнем,
Согрев любви твоей теплом.

Бродил немало я по свету,
Но не встречал такого света,
Что дали мне твои глаза.
Проснулась спящая душа.

Она, наверно, этого ждала,
Но не найдя, устало прилегла,
От дел обычных отдохнуть,
От лживых чувств передохнуть.

Твои лучистые глаза,
Любви в них яркая звезда,
Поет от радости душа,
Родную душу обрела.

Теперь не скучно в жизни ей,
Тепло ей от любви твоей,
Она проснулась, говоря:
«Нашел и ты, нашла и я!»

Твои лучистые глаза,
Любви в них яркая звезда,
Стучат от радости сердца,
Поют твоя с моей душа.

Старый дом и она у окна

Старый дом, совсем покосился,
Он с детьми уж давно не резвился...
У окошка старушка в платочке сидит,
И в окно вдаль печально глядит...

На дорогу, что мимо бежит,
До околицы и за лесок...
Смотрит вдаль старушка печально,
Вдруг появятся дочь или сынок.

Опустело гнездо родовое,
Из родных здесь осталось их двое.
На войну муж ушел и геройски пал,
Слава Богу, двух детей успел, настрогал.

Трудно было детей поднимать,
Не осталось кому помогать.
Только старый родительский дом
Грел, как мог, с детьми и котом.

На окраине, дальше поле и лес,
Не достать с его крыши небес,
Можно звезды считать, облака...
И видна, вдалеке, река...

Вмести жили, о счастье мечтали,
Двух детей на крыло поднимали...
Лишь окрепнуть их крылья сумели,
Из гнезда дети вдаль улетели...

И остались одни, хоть вдвоем,
Мать-старушка и старенький дом.
Кот давно отошел в мир иной,
А за печкой затих домовой...

Мать-старушка сидит у окна,
Но дорога к дому пуста...
Не идут по ней дочь и сынок,
А все меньше отпущенный срок...

Где-то там, в городах, проживают,
На деревне уже не бывают.
Мать жива или нет – не знают.
Часто так, увы, ныне бывает.

Старый дом и она у окна...
Сколько будет еще жива?
Каждый день ждет детей она,
Но дорога к дому пуста.

Старый дом совсем покосился.
Он с детьми давно не резвился.
Время быстро, рекою, течет.
Сколько он еще проживет?

Живут дольше, конечно, дома,
Коль поддержит человека рука.
Без хозяина дом погибает,
В одиночестве дом умирает.

Сколько вместе они проживут?
Потому нынче оба и ждут,
Что по старой к дому дороге
Дочь иль сын, или внуки придут.

Старый дом уже накренился,
Уж забыл, когда сруб рубился,
У окна старушка в печали,
Тропки к дому все позарастали.

Лишь дорога к дому чиста,
Хоть трава уже проросла.
Но дорога к дому видна,
Зарастет ли совсем она?

Свет полон был бы для всех счастья

Какие б не случились беды,
Какие б не пришли напасти,
Не в деньгах и богатствах счастье,
И не в чинах, и не во власти...

Вся эта света мишура
Для счастья вовсе не нужна,
Когда вокруг тебя игра,
В душе и рядом пустота.

Не терпит счастье суеты,
Сжигать не нужно все мосты,
И, словно, дерзкий воробей
Кричать, клевать других быстрей.

Зовет нас счастье в мир простой,
Где нас одарит теплотой
Противник одиночества – любовь.
Спокойствие, вдруг, обретем мы вновь.

Не нужно там за чем-то гнаться,
Всех обгонять, чтобы прорваться
К вершинам призрачным, взять высоту...
Считая главной задачу ту.

На свет в гордыне озлобляясь,
Игрой блудливых восхищаясь,
В пустом друг с другом состязаясь,
От счастья верно удаляясь.

А надо б просто в мире жить,
Любви себя лишь посвятить,
Во всем иметь себе достаток.
Со счастьем мир вновь станет сладок.

И если б все так поступали,
В гордыне жилы бы не рвали,
По миру не бродили беды и напасти,
Свет полон был бы для всех счастья.

Самый сильный враг

Труднее всего вести непримиримый бой
С сильным и изворотливым врагом.
В бою он опытен и искушен,
И силой равную тебе рожден.

Коварен этот сильный враг,
Он знает каждый план и шаг,
Он впереди на шаг, на два...
Сильнее нет того врага.

Трудней всего бороться с ним.
Бывает мысль – не победим.
Его никак не одолеть,
Как ни стараться, ни хотеть.

Враг этот мудр и хитер,
В бою и споре он силен.
Трудней всего вести нам бой
С по силе равным – с сами собой.

Сам знания в жизни добывай

Не верь всему – проверь и размышляй,
Сам отыщи первоисточник и читай,
Осмысли, истину найди, познай...
Сам знания в жизни добывай.

Сегодня слову одному не доверяй.

Не доверяй пустому слову,
Что взяли ныне за основу.
О том вещают, чего не понимают.
К всему сомнения порождают.

Добудь сам знания! И – проверь!
Тогда лишь в истину поверь.
Не верь всему, что с бодростью вещают,
Запутать в жизни, может, тем желают.

Тебя от знаний гонят прочь,
Тобой чтоб управлять себе помочь.
Не верь всему тому, с экранов что вещают.
О том там говорят, чего не знают.

Ведь чтобы знать, немало нужно потрудиться,
С томами книг в библиотеках повозиться,
Осмыслить споры и суждения многих мнений,

Так и оставшись с истиной в сомнениях.

Чтоб суть познать явлений и вещей,
Одних в пути том встретишь ты друзей.
То книги старые, одним им доверять,
В них знания нам стоит добывать.

Когда в трудах ты знания обретишь,
Тебя пустым глаголом не возьмешь,
И с мудрым видом как не будут врать,
Ты истину ведь будешь уже знать.

Родительская суббота

С утра сегодня зябко,
Для лета погода холодна.
С полуночи дождь моросит...
С раннего утра свеча пред образом горит.

Как будто плачут с нами небеса,
И, чуя боль, природа с нами плачет,
Сегодня о родителях усопших мы скорбим,
В молитвах Царствия небесного желая им.

Потери тяжелее в жизни нет,
На миг тускнеет белый свет,
Когда родители уходят в небеса,
И наполняются слезой глаза.

Мы ценность их присутствия, бывает,
Осознаем лишь в этот миг,
Когда, вдруг, понимаем,
Что рядом ныне никогда не будет их.

Ведь то, что есть у нас,
Обычно мы не ценим,
Обыденное счастье и простое,
Мы не считаем, в глупости, таким.

Родительский всегда согреет дом,
Всегда поддержат Матушка с Отцом,
Где б нас стремления не носили,
Чтоб мы в стремлениях не творили.

Молитвой и поддержкой их сильны,
Хотя от них бывали далеки,
Хоть взрослыми считались мы,
Для них всегда мы были их детьми.

Смотрели, как по жизни мы шагаем,
За нас, скрывая то, переживали,
И втихаря, и явно помогали,
А мы как должное от них все принимали.

Их не всегда мы понимали,
Поздравить вовремя, бывало, забывали...
И, как сокровище, их мы не берегли,
Пока они навечно не ушли.

Потери тяжелее в жизни нет,
На миг тускнеет белый свет,
Когда родители уходят в небеса,
И наполняются слезой глаза.

Как будто плачут с нами небеса,
И, чуя боль, природа с нами плачет,
Сегодня о родителях усопших мы скорбим,
В молитвах Царствия небесного желая им.

Пусть Бог хранит вас, России верные бойцы!

От холода по телу дрожь...
В сыром окопе не тепло,
Щель – не блиндаж,
Хоть сверху и бревно.

Костер здесь не разжечь,
«Буржуйку» не поставить печь,
Для обогрева не хватает свеч,
Не встать, размяться, чтоб тепло сбересть...

Помочь бы мог сугреву спирт,
Но если в бой, пьян – что убит.
Чуть вдалеке в окопах враг,
Он сведущ в воинских делах...

От холода бойцов мандраж,
Не от депрессии иль страха,
В делах войны защитник наш,
Теперь умел, а не «рубаха».

Терпение, выдержка – уже успех,
В бою бесстрашен – и победа!
Перед морозом нужно устоять,

Хотя в сыром окопе трудно это.

Но греют в холода солдата,
Письмо у сердца от родных,
Любовь в нем детушек, жены и брата,
Родителей, почти уже седых.

Рисунки детские из разных городов,
И сила детских добрых на рисунках слов,
С письмом из дома чуть помяты что лежат,
В бою бронезиловым сердце защитят.

Тепло старушки рук издалека,
Связала шарф и два носка что для бойца.
Она связала не один шарф и носок,
Солдат российский каждый для нее сынок.

Российский сдюжит в холоде Солдат,
Пусть в инее дружище-автомат,
Штаны заледенели и в снегу бушлат,
Носки от бабушки пока тепло хранят...

Пусть за спиной бойца не замечают
Иные, что идет жестокая война,
А хуже – предадут и подло хаюг....
Окоп Солдаты Родины не покидают!

Сливея, шепчут губы каждого бойца:
«С тобою Родина идем мы до конца

Бог нас не выдаст, и свинья не съест,
Мы до победы понесем свой крест!»

От холода по телу только дрожь...
Российского Солдата просто не возьмешь,
Народу служит он своей Страны,
Хоть не хотел врагом навязанной войны!

Пусть Бог в сражениях вас хранит,
И Богородица вам покрова дарит,
Отчизны верные российские бойцы,
России истинные дочери, сыны!

Прости, Господи, не будем смиренны! На трагедию Курской земли...

Я молюсь за безвинно убиенных.
Прости, Господи, не буду смиренным!
Знаю грех в руки взять меч,
Но иначе безвинных не убережь.

Чтобы стало в мире больше света,
Нужны люду богатыри-Пересветы,
Нужны люду свои Богатыри,
Богатыри Родной Земли!

Богатыри Родной Земли,
Бесчисленно в веках вы рождены,
Бесчисленно в сражениях полегли
За волю Родной своей Земли!

Поднимайтесь вновь Богатыри,
За свободу своей Родной Земли!
Встаньте на защиту безвинных,
Помня заветы предков былинных!

Вновь возьмите мечи, топоры
Для защиты Родной Земли!
Молясь за безвинно убиенных,

Прости нас, Господи, не будем смиренны!

Поменялось понятие счастья

Поменялось понятие счастья.
В нем душевного стало мало.
Счастьем стали люди считать,
То, что счастье и не назвать.

Нынче плачут малые дети
От того, что у них нет айфона,
Иль другого названия какого
С интернетом внутри телефона.

Мы ж детьми переживали,
В огорчении слезу пускали,
Когда маленький мамонтенок
Не мог Маму найти с пеленок.

Как в пустыне и джунглях скитался,
Среди шторма по океану мчался,
Чтобы Маму свою отыскать
И счастливым на свете стать.

Вместе с Мамами мы рыдали,
Фильм о Биме когда увидали.
Был с хозяином счастлив, но разлука...
Белый Бим Черное Ухо.

Поменялось понятие счастья.
Потрепало людей зла ненастье.
Счастьем стали люди считать,
То, что счастье и не назвать.

Если Мама рядом (проект для музыкального оформления, Смоленск 2018)

Если Мама рядом, должен рад быть ты,
Значит – не остался ты в мире без любви,
Значит – что бы ни было, ты найдешь приют,
Значит – в мире этом дома всегда ждут.

Если Мама рядом, есть к кому прийти,
Теплоту и нежность у кого найти,
Раны залечить, жизнь что нанесла,
Вспомнить, что лишь Мама всех нежнее рука.

Привет:

Если Мама рядом, ты еще дитя,
Даже, если взрослым все зовут тебя.
И ребенком будешь для Мама ты всегда,
С рожденья в ее муках и до пути конца.

Навсегда запомни! Взрослым став однажды,
Ты поймешь, что Мама не бывает дважды.
Миг придет- и Мама рядом вдруг не станет,
Нестерпимой болью сердце это ранит.

К ней в объятья снова уже не попадешь,
Нежность ее, ласку уже не обретешь,
Не с кем будет за полночь о жизни говорить,
Чтобы горя горького в жизни не испить.

Припев:

Если Мама рядом, ты еще дитя,
Даже, если взрослым все зовут тебя.
И ребенком будешь для Мама ты всегда,
С рожденья в ее муках и до пути конца.

Берегите в жизни Мамой что дано,
Это вам от Бога ей передано.
Берегите в жизни Маму вы свою,
Рядом она с вами – вы на земле в раю.

Берегите нежность и любовь ее,
Здоровье ее сердца вам Богом отдано.
Берегите каждый в жизни свою Маму,
Чтоб как можно дольше с вами была рядом.

Припев:

Если Мама рядом, ты еще дитя,
Даже, если взрослым все зовут тебя.
И ребенком будешь для Мама ты всегда,
С рожденья в ее муках и до пути конца.

Одиночество

Одиночество – то не порок.
То – жизни неожиданный урок.
Когда пришел туда, куда стремился,
Но в пустоте душевной очутился...

Когда вокруг, как будто, чуждые лица,
Но нет того, душою за кого возможно зацепиться.
Толпа вокруг большая, но суровый рок —
Среди толпы душой ты одинок.

Одиночество – то не порок.
То – жизни грамотный урок.
Очень важно, чтоб посчастливилось случиться,
Было за кого душою зацепиться.

Разрушить легче, чем построить

Обидеть легче, чем утешить.

Врать легче, правдою чем жить.

Отвергнуть легче, чем приветить.

Любовь убить, чем сохранить.

Разрушить легче, чем построить.

Судить, чем искренне простить.

Прогнать, чем в доме приютить.

Отречься, сердцем чем любить.

2202 22.22.22 202

**(Санкт-Петербург-Москва, «Красная
Стрела», пока еще 2202 02.22.22 2022,
но уже было 2202 00.00.00 2022,
и уже стало 22022022)**

Свидетели мы чудного и редкого мгновения.
Редчайшего в мире мгновения обозначения.
Мистического для понимания разума явления,
Единственного в нашей жизни – без сомнения.

Минуту эту уж назвали в мире золотой.
Секунду, ту что мига больше, назовем какой?
Мгновение, миг как эти в мире назовем?
Но знаю точно – с восхищением проживем!

Нам повезло в двух тысячелетиях родиться,
Чтоб мигом этим, удивившись, восхититься.
В душе и сердце его с трепетом прожить.
И мигом этим в нашей жизни дорожить.

Прочувствовать величие и бескрайность мироздания,
И ощутить насколько тщетны все старания
Вселенную сознанием нашим охватить

За жизнь, что меньше мига в ней прожить.

Все знать потуги наши, безусловно ведь, нелепы.
В пространстве, времени практически мы слепы.
Вселенная в них – без границы и без края.
Жизнь наша – миг. Она – короткая такая.

Лишь опыт многих, предыдущих поколений,
Друг разума, пространство-временной наш гений,
Познаний наших собиратель и хранитель,
Умов всех новых – покровитель и учитель.

Всю жизнь его мы изучаем, постигаем,
Но как мудрейший муж в веках сказал,
Его науки изучив, постигнув, понимаем,
Что ничего мы во вселенной – и не знаем.

Нам повезло рубеж тысячелетий и веков пройти,
Не каждый может в жизни это получить и обрести.
И этим мигом, и секундою, минутой, часом, днем,
Давайте с трепетом и восхищением, счастливо,
И радостно, в любви и дружбе, вместе проживем!

22022022

Такой расклад в тысячелетиях редок.
Дню этому немало разных меток.
Провидцы, ясновидцы и кликуши
Народам всякое глаголят в уши.

Что день сей нам с судьбой готовит?
Он нас – никак не обойдет.
Один кричит, что ждем мы катастрофу.
Другой кричит, что благодать к нам придет.

Образовался редкий палиндром,
Шесть двоек в ряд зеркальный встали.
И на неделе этот день – второй.
И лунный день – двадцать второй.

Все эзотерики и мистики горой —
Фонтаном магия забьет этой порой.
Желания загадаешь – сбудутся они.
Мистичны очень все такие дни.

Ну, что ж придет и – поглядим.
Прожить его уж точно надо с ним —
В любви и с добрыми делами,
Как и всегда мы жить желали.

Уж точно зло в него тащить не нужно.
Весь негатив оставить накануне должно.
Желать, когда пришел, конечно можно,
Но осторожным быть в желаниях должно.

Ведь мысль и слово – суть материальны,
В день этот могут быть весьма реальны.
Лишь о добре для всех нам стоит пожелать,
Чтоб кашу бед всем вместе не хлебать.

Кто верит в Бога – беспокойства нет.
По воле Бога льется в мире Свет.
Нет в вере мистицизма и сомнений,
Низвергнут Богом злобный гений.

Что день сей нам с судьбой готовит?
Он нас – никак не обойдет.
Ну, что ж придет и – поглядим.
Прожить его уж точно надо с ним–
По-доброму, как жить всегда хотим.

Алые Паруса

Залпы праздничных фейерверков
Огнем искристым в небеса.
Над Невой плывут уверенно,
Ярко Алые Паруса.

Гул восторженный глушит музыку.
Всколыхнулась волной Нева.
Молодецкое, юнозвонкое
Над волной пронеслось: «Ура!»

Прокатилось волной по городу,
Разнеслось по стране и в мир.
Паруса возвестили Алые —
В Петербурге вновь школьный пир!

Праздник в жизни этапа нового,
Окончания времени школьного.
Праздник выбора пути вольного.
Праздник радости и надежд.

Паруса над Невой Алые!
Завершились труды немалые,
Воплотились мечты лишь первые,
Распахнулись ворота в жизнь.

Мечты новые зародились,
Тем на смену, что воплотились.
Поведут их по волнам жизни
Ярко Алые Паруса.

Будут штили и штормы в жизни.
Жизни бурна и сложна волна.
Понесут все мечты к воплощению
Ярко Алые Паруса.

Кто-то в лоцманы, в капитаны,
Кто-то боцман, матрос навсегда.
Поведеет сам океанами жизни
Каждый Алые Паруса.

Праздник радости школьного выпуска.
Праздник грусти и расставания.
Праздник новых надежд и старания
В пути взрослости созидания.

Залпы праздничных фейерверков
Цветов искристых в небеса.
Над Невой плывут восторженно,
Ярко Алые Паруса.

Ангел над Красногорском

Над городом сегодня Ангел пролетел.
Куда сегодня Ангел торопился?
В Никольский храм или Ильинский?
Иль Кузнецовых посетить он захотел?

Над Красногорском крылья он расправил.
Край этот к Ангелам любовью славен.
Здесь Ангелов фигурки создают.
Стихи читают им и песни им поют.

Местечки и деревни в честь их называют.
Молитвы им возносят, прославляют.
На праздники в их честь их приглашают.
И чудо их прихода ожидают.

Здесь ангельским осенены места.
Земля, леса, поля, пруды, река.
Дома, селения, поселки, города.
Часовни, храмы, божие места.

О Красногорских Ангелах мир знает.
Их здесь с поклоном в гости принимают.
Вот потому, наверное, бывает —
Над Красногорском Ангелы летают.

Побольше бы в Руси таких земель,
Куда, пускай один в году лишь день.
Архангел с ангелами не по службе прилетают
И небо ярко крыльями своими озаряют.

Над Красногорском нынче Ангел пролетел,
Взмахнув над городом могучими крылами.
Где любят Ангелов, им молятся, их чтут,
С любовью Ангелы там пребывают.

Я сегодня встану по утру

Я сегодня встану по утру,
Жадно выпью бодрого кваску.
Выйду на крыльцо, глубоко вздохну,
С благодарностью за это Богу.

Как бы не скулили с горяча,
В миг что жизнь, вдруг, стала нам плоха,
То – лишь слабость мига, это знаю.
Жизнь свою я лично – обожаю.

Даже если горестно порой,
Даже если в жизни не герой,
На нее уж точно не серчай,
Отца с Мамой, Бога – она дар.

Вместе с нею горести пройдешь,
Вместе с нею радость обретешь,
Духом с ней окрепнешь, все пройдешь,
С нею вместе счастье обретешь.

Ее нет нам ближе и родней,
Отцов сила, любовь Матерей.
Если принял дар и сердцем Бога,
Вместе с нею не трудна дорога.

Перед сном я выпью чаю,
И о жизни с Жизнью помечтаю.
Устало после лягу я ко сну,
За это Бога я благодарю!

Я – русский! И этим я горд!

Стыдиться вы мне предлагаете,
Что русским я в мире живу?
Что русским родился и вырос,
По-русски что я говорю?

Вам русское нынче – боль в печень.
И русское – в горле вам кость.
Все русское вам ненавистно.
Все русское гоните прочь.

Стыдиться я должен за это?
За предков, их силу и мощь?
За Родины ныне успехи,
Народ что Ее создает?

Хотите, забыл чтоб я предков,
Чтоб предал свой Род, Отца, Мать?
Скажу вам, убогие, гордо —
Тому никогда не бывать!

**Я – РУССКИЙ! Я – РУССКИХ ПОТОМОК!
РОССИЯ МНЕ РОДИНА-МАТЬ!
РОССИЯ МНЕ МАМА РОДНАЯ,
У СЫНА ЖЕ МАТЬ НЕ ОТНЯТЬ!**

Я горд, что я русским родился!
Я горд, что я русским живу!
Коль меч мне поднять будет нужно,
За Родину меч подниму!

Не русские начали драку,
Но в драке не спустят врагу.
Победа- в той драке итог,
Ведь с русским Правда и Бог!

Я – русский! И этим я горд!

Я не люблю читать свои стихи

Я не люблю читать свои стихи.

Я их пишу для сердца и души.

Я не люблю читать свои стихи.

Я их пишу от сердца и души.

Тот, кто прочтет, тот сам познает их,

Какой бы ни был, трудный или легкий стих.

Тот, кто прочтет, все сам поймет.

Коль смысл есть, его в стихах найдет.

Читателя не нужно заставлять,

Стихи свои, как сам, воспринимать.

Он сам прочтет, все сам поймет.

Коль есть она, сам истину найдет.

Я не люблю читать свои стихи.

Люблю писать для сердца и души.

Я не люблю читать свои стихи.

Люблю писать от сердца и души.

Я иду проселочной дорогой

Я иду проселочной дорогой.
Молодой вокруг, уже подросший лес.
Здесь грибов должно быть очень много,
В этом мой сегодня интерес.

Но вдруг сердце болью защемило.
Впереди просевший в землю дом,
Смотрит на меня глазами окон
С остатком стекол, выбитых, слезой.

Крыша прохудилась, провалилась.
Держится печною лишь трубой,
Вход без двери раною зияет,
А завалинок не видно под травой.

Бедный дом. Ты тихо умираешь,
А ведь жизнь когда-то здесь была.
Старики под окнами сидели,
И играла шумно детвора.

Пес дворовый с детворой резвился,
На завалинке на солнце грелся кот.
Поросенок, жарко, в лужу завалился.
Из-за шума кур петух не соберет.

Счастье дома то осталось в прошлом.
Ныне только одиночество в лесу.
В одиночестве дом тихо умирает,
Потеряв былую всю красу.

А за ним, таких же братьев в горе,
Я с десятков, с болью, насчитал.
Человек, о чем тогда ты думал,
Когда дом свой умирать бросал?

Да бывало – войны и болезни,
Человек последний дома умирал...
Но бывает так в одном лишь доме,
Человек другой дом забирал.

Что ж творится, братцы, ныне по России,
Что-то, потеряв, мы позабыли...
О Земле Родной нам вспомнить не пора,
Чтоб в глуши не умирали в одиночестве дома?

Сколько же таких домов в России,
Сколько сельских заросло дорог?
Сколь в глуши их тихо погибает,
У заросших лопухом дорог...

Не бросайте же свои дома,
Приезжайте к ним хотя бы летом.
Дороги к ним тогда не зарастут,
И будут жить тогда дома,

И одиноко не умрут они тогда.

Счастливым вижу дом (Я иду проселочной дорогой-2, десять лет спустя)

Местами уже хоженными
Хожу я нынче вновь.
В деревнях придорожных
Счастливым вижу дом.

Пока пусть в придорожных,
Дойдет до остальных,
Все больше появляется
Домов – веселых и живых.

Пусть у одного на сотню
Стеклом глаза блестят.
Хозяева вернулись!
Дом счастлив, видно, рад.

Сверкает свежей краской,
По-новому одет...
В радость хлопнет дверью,
Гоня остатки бед.

Он верит, и я верю,

Хозяев все найдут.
Дома, что без хозяев
В горести живут.

К истокам возвращайтесь,
Душою возрождайтесь!
Дома с надеждой ждут,
Когда своих хозяев снова обретут.

Я в церковь к Спасу пришел

Было время давно, как всегда тяжело...
Путем жизни бывает идти нелегко.
В церковь к Спасу пришел попросить,
Чтобы мог что Он дал, а ненужное чтобы забрал.

Попросил я Его счастья, чтобы легко.
Нет! – сказал Он в ответ, – счастлив будешь иль нет,
Это сам ты решай. Путь свой сам выбирай.
Благословение дам, ну а дальше – ты сам.

Попросил я Его, чтоб гордыню забрал.
Нет! – сказал Он в ответ, – сам творишь этот грех.
Не забрать Мне его. Откажись от него —
И тогда Я прощу этот грех.

Попросил я Его, дать терпения мне.
Нет! – сказал Он в ответ, – не дается оно,
Получить нелегко. Приобрести помогу,
Испытания нынче тебе Я пришлю.

Попросил я Его боль, страдания забрать.
Нет! – сказал Он в ответ, – и тому не бывать.
Камнем станет без них сердце в жизни твое,
Помнить будешь Меня, в сердце будет добро.

Попросил я тогда, сил мне дать для всего.
Нет! – сказал Он в ответ, – у тебя сила есть.
Силы столько, что даже не счесть.
Чтоб познал ты ее, закалился в труде,
Испытания пришлю вновь тебе.

Попросил я тогда мудрость, чтоб помогла.
Нет! – сказал Он в ответ, – мудрость – опыт труда,
Испытаний, страданий, что жизнь принесла.
Чтобы мудрым ты стал, чтоб проблемы решал,
Их к тебе Я пришлю, тем решат их тебя научу.

Попросил я тогда, дать мне Спаса любовь,
Как Сам любит людей, как Сам любит меня.
Нет! – сказал Он в ответ, – У тебя она есть!
И послал мне людей, тех, что помощи ждут от меня.

Было время давно, как всегда тяжело...
Путем жизни бывает идти нелегко.
В церковь к Спасу пришел, и урок приобрел.
Понял я, нужно что нам попросить у Него.

Ничего Он не дал, что, просил, я, желал.
Ничего не забрал, что отдать я желал.
Но как мудрый Отец, Добра мира Венец,
Все, что нужно мне, щедро Он дал.

Поклонился Ему. Сказал: «Благодарю!»
И из храма в жизнь смело пошел.

Нужно что – я нашел, в жизни мудрость обрел,
Всегда помню Его, и несу Его в сердце тепло.

Сонет 66 Вильяма Шекспира

*«...А, не замахнуться ли нам на
Уильяма, нашего, Шекспира?...»
Из советского кинофильма
«Берегись автомобиля»*

Устав от этого всего, взываю к смерти я, —
Достойны лучшего одетые в лохмотья,
Ничтожества жалки – в одеждах дорогих,
Забыли веру чистую, отрекшись в злобе,
Не по заслугам почести позорно раздавая,
И добродетельную девственность насильно нарушая,
И совершенство истинное ложью очерняя,
Правление немоцное силу растеряло,
Искусствам власть связала языки,
С ученым видом блажь наукой правит,
А честность бескорыстную как глупость славят,
Добро, в оковах, смиренно служит злу, —
Устав от этого всего, спокойно жить я не могу:

Взывая к смерти, покинуть этот мир все ж не хочу,
То совершив, оставлю в мире я любовь свою одну.

Над Гатчиной сегодня ветерок промчался

По скверу ветерок промчался,
Сегодня Гатчиной он любовался.
Златая осень в путь собралась,
И ярких дней чуть-чуть осталось.

Чтоб красотою насладиться,
По Гатчине сегодня мчится,
Веселый ветер-мальчуган,
Осенний ветер-хулиган,

В людей он листьями бросался,
За шляпы, шапки их хватался,
По старым паркам он промчался,
По скверам новым пробежался.

С деревьев листики сбивал,
Ворон с верхушек он согнал,
Кустов ветвями помахал,
Веселый ветер-хулиган.

Взъерошил перья голубям,
Не дал покоя воробьям,
На крышах в трубы погудел,

И вдруг – на миг оторопел.

Сквер небольшой среди домов,
Осенним устланный ковром,
Там Незнакомая Она,
С пустой корзинкой, и одна.

И ветер-озорник, весь в восхищении, затих,
Для любования нужен ведь не миг.
Изящество холодной красоты
Могли б развеять яркие цветы.

С почтением он поклонился,
Представился, разговорился...
Они общались долго в окружении тишины,
Шептали листики, шурша, слова любви.

Но даже ветер сам себе не волен,
Быть лишь на миг он может счастлив и доволен.
Его судьба – осваивать просторы,
Моря, леса, равнины, горы...

Любви враг вечный есть – разлука.
Хоть встретили они на миг друг друга,
Но вместе им, увы, не пребывать —
Ей оставаться, вдаль ему бежать.

Все как всегда, история обычна и проста,
А потому для всех тосклива и грустна.

Под вальс любви немного покружились,
И ветер, взыв в тоске, вдаль удалился...

Но, напоследок, нежно пошалил,
На шляпу листики-цветы ей подарил,
Корзинку полную листов-цветов,
И даже в зонтик ей —букет листов-цветов.

Над Гатчиной сегодня ветерок промчался,
Хотел остаться, но не смог, в тоске умчался...
Он здесь нашел и потерял любовь.
Вернется ли сюда когда-то вновь?

О мире 2020 кратко

Люди слепы и безумны,
В заблуждении не разумны,
Страхи разума лишают,
А они о том не знают...

Что-то в мире приключилось,
Люди разума лишились...
Затуманен страхом свет.
Будет долго то, иль нет?

Осенний вечер...

За окном прохладно и дождь,
Что с погоды в осень возьмёшь?
Я бокальчик вина налью,
И камин жарко растоплю...

Посижу, на огонь посмотрю,
По глоточку вина отопью,
Уж не режет дождя дробь слух,
И тепло, и уютно вокруг.

Тяжела, крепка старая дверь.
Слышу шорох тихий за ней...
Открываю, стоит мужичок,
Пальто старое, зонтик, промок...

Добрый вечер, вы заблудились?
Иль кого-то искать в дождь решились?
Нет, читал я здесь недалеко,
Но совсем мокро и темно.

Я в парадной хотел обогреться,
В ливень трудно, промокнув, согреться.
Пальто, шляпу чуть просушить,
И потом уж домой убыть.

То – не дело, в парадной стоять,
Долго будете вы обсыхать.
Проходите к камину поближе,
Даже книжка промокла, я вижу.

Чуть смущаясь, прошёл странный гость,
Шляпу снял, в угол – зонтик-трость.
Снял пальто, но на плечи накинул.
Я ему кресло сдвинул к камину.

Книгу бережно из кармана достал,
Чтоб не слиплась, листы полистал,
Пред камином её просушил,
И обратно в карман положил.

Пусть хранит вас Бог за добро,
За приют и камина тепло.
Нет, спасибо, не нужно вино,
Мёда с чаем бы мне... Хорошо...

Мед, пожалуйста, сладкий, цветочный,
Чай горячий... Полезней всего.
Что читаете, если не тайна?
Нет, не тайна, книгу стихов.

Вот и тема нашлась для беседы.
Оба мы – почти что поэты.
До утра мы читали стихи,
Обсудили все, что могли.

Дождь иссяк, ночь прошла,
В окно солнце стучится с утра...
Вас, спаси Бог, а мне в путь пора.
Вам спасибо, в дорогу добра.

Дверь открыта стара, тяжела,
Добро скрипнула даже она.
Гость – за дверь, на прощание склонился, —
«До свидания», – и растворился...

Уж не сплю я? – я удивился.
Вина сладкого может напился,
Осмотрелся – банка с мёдом, кружка стоят,
А у кресла перья лежат.

Словно птица здесь пролетала,
Ветром перышки с крыльев сорвало...
Тут меня и осенило —
Что не с всяким такое было...

Сон то был или быть не скажу,
Но бывает садом хожу.
На скамейке сидит мужичок там,
Очень обликом он мне знаком.

Беспокоить его не хочу,
Потому мимо я прохожу.
Он читает внимательно книжицу-том,

Может прозы, а может стихов.

Самое лучшее в жизни

Хотите верьте, хотите не верьте,
Мы то понимаем лишь после их смерти.
Глаза открывает нам их смерть —
Они самое лучшее, что у нас есть.

Можете спорить, но то пустой разговор,
Жизнь строго рассудит нелепый тот спор.
Раскроет глаза родителей смерть,
Они все то лучшее, что у нас есть.

Верьте хотите или не верьте,
Все что могли нам отдали они,
Вдаль отправляясь от грешной земли.
Самое лучшее в жизни – они.

Поминальная краткая

Помянем всех, кого нет рядом с нами,
Кто мир покинул бренный наш, земной,
Чтобы шагали они райскими полями,
Чтоб в Царстве Божьем вечно пребывали,
А мы чтобы о них не забывали.

Нет в мире ничего страшнее

Нет в мире ничего страшнее,
Чем люди без души...
Они, как манекены, —
Есть в свете, но мертвы.

Не сразу распознаешь
Того, в ком нет души.
Печати нет отличия
У тех, кто без души.

Они почти такие же,
Как те, в ком есть душа,
Но есть одно отличие —
Не жди от них добра.

Страшнее в мире нет
Людей, в ком нет души...
Не в радость для них свет,
Они — добыча тьмы.

Утро питерское осеннее

Пахнет сентябрь кофе и осенью.
По утрам пробуждаться трудней...
Тучи нынче над Питером носятся,
Хмурым видом пугая людей...

Сколь же грусти и нежной прелести
В листьев золотых печальном шелесте,
Что с деревьев ныне срываются...
Земля в золото одевается.

Пахнет осенью все сильнее,
Все быстрее желтеет листва,
По утрам больше зябко и сыро,
Подступает уныния пора.

Город патиной золотой покроется,
По утрам грусть, уныние устроятся.
Быстро осени краски уходят,
Тучи сырость и слякоть разводят...

Чашка кофе пахуча, горячая,
Да печенька пекарни Волконского
Настроение поднимут лежачее
В утро питерское. В осень. Не мрачное.

Я ромашек букет соберу (ода ромашке)

Встану рано я по утрам,
Любоваться на утра зарю,
Полям в росах, промокнув, пройду
И ромашек букет соберу.

В вазу их на оконце поставлю.
Красоту их стихами восславлю.
Букет маленьких солнц на окне
Вдохновение нынче дарит мне.

Без земли силы засохнут они,
Чудесные солнце-огни...
Что ж? Я их просушу, сохраню.
Солнца силу в узвар соберу.

Узвар янтарный в чашку налью,
И ромашке спасибо скажу,
За напиток, что меня напоила,
Силу солнца мне подарила.

Памяти поэтов (ремейк для музыкального воспроизведения)

Поэты не уходят в неизвестность,
Поэты не уходят в никуда!

Покинув землю брентную, порой
Довольные и не довольные собой,
Мятежные или обретшие покой,
Считающие жизнь свою пустой,

А может быть достойной и святой,
Путь прошагав по жизни непростой,
Иль вовсе не ценя ее ни как,
Предчувствуя и свой последний шаг,

Уйдя своей последнею дорогой —
Жить остаются в собственных стихах!
И там, меж строф и рифм, живут они
В сердцах читающих стихи!

Поэты не уходят в неизвестность,
Поэты не уходят в никуда!

Когда уходят к Богу мудрецы

*Памяти Председателя
МГО Союза писателей России
Владимира Георгиевича БОЯРИНОВА,
Члена СППЗ Ивана КРИЧФАЛУВШИЙ,
и всех ушедших собратьев по перу*

Когда уходят к Богу мудрецы,
Потери для людей безмерны.
Быть может в жизни не были примерны,
Но, точно, были словом и душой чисты.

Бродя путями жизни непростыми,
Они познанием истины живут.
Я преклоняюсь перед мудрецами жизни,
Реальность словом изменяют – тем живут.

Их слово не всегда, не всем приятно,
Но правда в нем, и в нем нет зла,
Оно несет добро и просвещение,
В нем сила сердца и добра, и – их душа.

Когда уходят к Богу мудрецы,
Потери для людей безмерны.
Примером были слова бунтари,
И, точно, были словом и душой чисты.

Памяти Эдуарда Кузнецова

Этим днем погасла свеча,
Дуновения не было вовсе,
Угасая не чадила она,
А полыхнула пламеням ярко...
Разом стало в душе тяжело,
Днем, как будто, нагрянул к нам сумрак...
К Богу, верю, мыслитель ушел,
Упорхнул к Музе Музы ревнитель...
Знать, не слышать его звучный глас,
Не познать его мудрые мысли...
Его больше нет среди нас,
Целый мир, вдруг, поэта угас.
Очень трудно это принять...
Вечной памяти, с болью, желать...

Голос (Памяти А. Градского)

*«Ничто на Земле не проходит бесследно.
И юность, ушедшая, все же бессмертна.
Как молоды мы были,
Как молоды мы были,
Как искренно любили,
Как верили в себя!»
Визитка А. Градского*

Он ушел. Его голос остался!
Нами он через сон узнавался.
Нет другого сегодня такого.
Долго помнить мы будем Его!

Бог талант раздает в тебя веря,
Но надейся ты лишь на себя.
Было это когда он запел!
Его голос узнала страна!

Шли года и звучал его голос,
Покоряя людские сердца.
Над Землей он не раз обернулся.
И не раз пробивалась слеза.

Голос юн, несмотря на года.
Голос мощен, как рока струна.

Он безбрежно силен и могуч.
Так не сможет даже грозный сивуч.

Голос нежен и мягок до слез.
Голос звонок, как выстрел в мороз.
Голос чист, соловья словно свист.
И высок, словно ночью свисток.

Словно море шумит на просторе,
Словно рокот морского прибоя.
Словно ветер по трубам гудит.
И листок, опадая, шуршит.

Нами он через сон узнавался.
Нет другого сегодня такого.
Он ушел. Его голос остался!
Долго помнить мы будем Его!

Памяти великого человека В. Гафта

Актерище!

Поэтище!

Человечище!

Ушел...

Какое угасло Светище!

День памяти Владимира Высоцкого

Что для поэтов 25 июля?

У каждого значений в этот день не счесть.

Но точно я скажу, и то не лесть,

Одно значение для всех поэтов есть.

День памяти Высоцкого Володи.

Легендою при жизни был в народе.

Поэт и бард, актер и хулиган.

Талант ему с рождения Богом дан.

Он песней славы не искал.

Писал и пел. Пел и писал.

Он сердцем роли проживал.

Играл как жил. Жил как играл.

Его слова – по сердцу боль.

Его слова – любви елей.

Его слова – святая правда.

Его слова – смех для друзей.

Все что он пел, все для людей.

Он был орел, не соловей.

С гитары звуком голос свой сливал.

Душой уснувших к жизни пробуждал.

Любовью жил. Любовь искал.

Любовь творил. Любовь дарил.

Он сердце рвал. Душою пел.

Играл как жил. Жил как умел.

Свечою яркою горел.

Тлеть угольком он не умел.

И многого он не допел,

Когда ушел... И ввысь взлетел.

Таких как он – не миллионы.

Таких как он – не легионы.

Скажу я честно, то не лесть.

Таких как он по пальцам счесть.

Но без таких хреново б было.

В конец бы серость победила.

Без них в природе пустота.

И жизнь без них, увы, пресна.

Пусть больше будет бунтарей,

Таких как он. И их идей,

Что в людях души пробуждают.
Жить яркой жизнью побуждают.

Один за всех. Один для всех.
Талантом созданный успех.
В сердцах народа он живет.
В сердцах по-прежнему поет.

День памяти А. С. Пушкина

В доме на Мойке тихо почтенно,
Хоть многолюдно в скорбный сей день.
Хоть и давно прозвучал рока выстрел,
В памяти он не стихает людей.

Рухнул поэт величавый России,
Сердцем затихший остался лежать.
Можно поэта жизни лишить,
Но рифмы его не поймать, не убить.

Что в этот час о Поэте сказать,
С почтением нужно лишь помолчать.
Затем стихом, песней, прозой взорваться!
Пушкина словом, стихом восхищаться!

Санкт-Петербург 10 февраля

По Мойке, по счету двенадцать,
Обычный петербургский дом.
Людей немало побывало в нем.
И до, и после дня десятого от февраля.
Музей здесь ныне Пушкина, друзья.

Здесь по полудню, почти в три,
Большое сердце биться перестало
Не раз такое на Руси бывало —
Лишь после смерти общество
Признав, Великим называло.

Поэт, прозаик, драматург.
Отец реальности в литературе.
Историк, критик, публицист.
Литературы теоретик, журналист.
Историк истинный России.

За политические взгляды
Не получал от государя он награды,
Хоть с императором он переписку вел.
Был государем новым сослан он,
Но по проществу – монаршески прощен.

Свеча России. Он горел, живя!

В стихах и прозе чудеса творя.
Свечой горел, но не берег себя!
С ним быт, историю России изучали,
И в мире его сказок в восхищении гуляли.

Свеча горела ярко, не коптила.
И в этом сила духа его была.
Кто ярок- того зависть поджидает,
И в схватке подлостью бывает побеждает.

Да, не сумел он тьму развеять, победить.
Но памятник себе нерукотворный
Давно себе при жизни он воздвиг.
А рукотворные ему народ поставил.
Свеча горит и ныне. Не коптит.

Поэтов на Руси, и славно то, немало.
Сердец их огоньки во тьме ориентир пути.
Их большинство творит, открыв забрало.
Завистников у них, что Пушкину, немало.
Но с тьмой бой прекращать им не пристало.

По Мойке, по счету двенадцать,
Обычный петербургский дом.
Свеча России медленно потухла в нем.
Свеча Великого Поэта здесь горит всегда-
Музей здесь ныне Пушкина, друзья.

Почему утро хмурое (руководство к действию, не для всех)

*Кто ходит в гости по утрам,
Тот поступает мудро...
Винни Пух, медвежонок,
герой мультипликации*

Кто ходит в гости по утрам,
Тот поступает мудро...
Ведь если вечером нагряться,
То хмурым будет утро.

Кто самогон пьет по утрам,
Тот поступает мудро.
Ведь если с вечера начать,
То хмурым будет утро.

Любое кто спиртное пьет,
То делать лучше утром.
Ведь если начал это днем,
То хмурым будет утро.

Природа радость отняла,
По утрам – непогода...
Побольше в кофе коньяка,
Природы нипочем беда.

И потому познай с пеленок,
Прав, в целом, Винни-медвежонок.
Кто выпивает по утрам,
Тот поступает мудро.

День бодро, весело начать-
На то оно и утро.
А если с вечера бухать,
То хмурым будет утро!

Ода русской водке

К 31 января любого года

Пролог

Позовите меня водку пить,
Одному пить- для меня неприемлемо.
Ныне трудно без этого жить,
Для здоровья это очень губительно.

Водка – слово непростое,
В нем сакральный укрят смысл.
Водку пить – понять суть жизни,
А не просто блажь, каприз.

В бесконечно безумном мире
Выпил водки – и жить красиво,
Благодушно, великодушно...
Без нее жить очень душно.

Жизнь вдруг стала тяжела, мрачна,
В глаза – серость, а с ней слеза...
Бахнул водки – вновь ярки цвета,
Жизнь ведь, в целом, всем хороша.

На пути по ней – разбрелись друзья,

Кинул клич – вместе у стола.
Собрались на зов старые друзья,
Встреча, с водочкой, задушевная...

Водка – телу лекарство и для души,
С дозой только не переборщи.
Лишь вода не может быть ядом,
Но и в ней утонуть можно разом.

Водку пей, но на нее не грехи,
Коли слаб умом, не знаешь меры ты.
Нам дана она как лекарство,
Но без меры напиваться опасно.

Стало телу изнури тепло,
Хмель приятная, легкая пришла,
Значит водка пошла в добро,
И лекарство для тебя она.

Но бывает в жизни и так —
Сколь не пей, не хмелит никак.
Потому как тело, может, не болит,
Душа в горе-беде, как в огне, горит.

Тела боль пройдет, а душа болит,
Раны тела водка вылечит,
Но в душе пожар трудно заливать,
Хоть и будет в том водка помогать.

До нутра коль промерз,
Так бывает в мороз,
Водки внутрь, да – в растирку,
Хворь бежит, как вошь в бане, в стирку.

Когда трудно бывает, она помогает,
Боль и хвори себе забирает,
Чтоб ушел непокой, тело вместе с душой
У горя-лиха выиграла бой.

Напиток водка не простой,
Умело самогон разбавили водой,
Чтобы нутро она не жгла,
Творила радость, чудеса.

Водка – слово непростое,
В нем сокрыт сакральный смысл.
Водку пить- познать соль жизни,
А не блажь то и каприз.

Эпиграмма

Позовите меня водку пить,
Одному пить – для меня неприемлемо.
Трудно ныне без этого жить,
Для здоровья опасность безмерная.

Солнце яркое взойдет!

Заслонили солнце тучи,
Не пробьется солнца лучик,
Тьма и серость все накрыла...
Солнца нет – полна их сила.

Но светлы в домах оконца,
В каждом есть частичка солнца.
Свечка, лампочка, лучина...
Нет победы тьмы над миром.

Не бывает всегда серость,
Тьму прогнать нужна нам смелость.
Свечи ярче разожжем,
Миру – свет, свет в каждый дом!

Вздуют ветры перемен,
Серости развеют плен,
Тучи прочь и тьма уйдет...
Солнце яркое взойдет!

Валерий Бокарёв
Москва

«В бесконечности Бог...»

В бесконечности Бог
Подытожит наш срок.
На беду не заметим мы,
Как простыми столетьями
Вьётся грозный поток....

Быстротечностью ног
Потревожив песок,
Я иду в предрассветии.
Золотыми соцветьями
Льётся звёздный оброк.

Возле Твери

Здесь водятся цапли? Да,
И тихо журчит вода,
А в ветер – шумит камыш,
Но к вечеру тишь.
А ночью тут зверь кричит,
В кустах его глаз лучи.
Но только взойдёт луна,
Как вновь тишина.
И тени от сов скользят
Всё видит их хищный взгляд
Вот лапы схватили мышь
Всё замерло, снова тишь.

Я ухожу

Ты мне сказала, что придёшь,
Но не пришла.
Затем – письмо пришлѐшь,
Но не прислала.
И мне тогда душа моя сказала,
Что ты кого-то ждёшь,
Но не меня.
И от того, не злясь и не виня
Тебя, а может и того, другого
Я ухожу. Бери теперь любого,
Я ухожу, по-прежнему любя.
Но всё пройдёт,
Любовь меня оставит
И новая придѐт,
И вновь страдать заставит.

Ночные страхи

Кто-то время от времени в окна стучит.
Толи ветер, толь путник заблудший.
Тишина и внезапно вдруг кто-то кричит,
Может птица, иль призрак опухший.

А потом, чуть вздохнув, в потолок заскребёт,
Заскрипевшую дверь приоткроет.
И меня суеверия страх обольёт:
Полночь... издали колокол стонет.

Вдруг, по крыше бежит, покатился, исчез.
Невозможно со стула подняться.
Эта чёрная ночь, по научному – стресс.
Всюду нервы, но надо держаться.

Кто-то в белом внезапно к окошку припал.
Не гляди! Всё внутри закричало.
Застонало в трубе... я дрожал.
Видно им напугать меня мало.

Захотелось, видать, отыгаться на мне
Лженаучным и злым приведеньям.
Оглянулся: луна лишь в окне,
Право жалко – напрасны волнения.

Стих

Раздавило стих городом
Тихо, незаметно.
Без звонка в милицию,
Без строчек газет.

Задавило стих городом
И только поэты
В траурных одеяниях
Несли его портрет.

На поминках его хоть бы кто-то заплакал.
Лишь поэта глаза излучали тоску
Лишь стакан, от отчаянья, падает на пол
И скрипит от бессилия преданный стул.

Для столичного жителя всё по-прежнему было.
Не пропали театры, осталось кино.
Только нервными всхлипами поэтесса завывала,
И известный поэт погрузился в вино.

А под утро известный поэт застрелился
И на это раз было много строчек газет.
Их ещё больше стало, когда задушился
Знаменитейший лирик не найдя пистолет.

Осень

Время летит, нас всё дальше уносит.
Тихо иду от сосны до сосны.
В белом тумане купается Осень!
Златоголовая мамка Весны.

Листья сияют игрой самоцветов,
Падают тихим червонным дождём.
Словно зовут отошедшее Лето,
Будто жалеют и помнят о нём.

Я и лес

Я иду сквозь времени затоны,
Кто-то пьёт мой предпоследний век.
В сизых облаках кружат вороны,
Жёлтый снег метёт изгибы рек.

Серый путь, обрыв и мост горбатый —
Всё покрыто позднею росой.
Я и лес... Ступаю виновато
И вдыхаю листвяной настой.

Пью осенний, самый нежный запах;
Предпоследние грибы стоят в листьях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.